

очарование
**КЭЙТЛИН
БИТНЕР РОТ**

*Внезапная
страсть*

Annotation

Молодая прелестная вдова Селина Керкленд, чудом избежавшая ужасной гибели, которая постигла всю ее семью, живет в гостеприимном доме друга своего отца, богатого плантатора Андруза, и постепенно влюбляется в его старшего сына Тревора. Молодой господин полностью разделяет чувства красавицы, и, казалось бы, ничто не угрожает их будущему счастью... Но случайное и нелепое недоразумение заставляет Селину поверить, что возлюбленный не верен ей. Ни одна истинная леди не потерпит подобного унижения, и Тревору придется многое пережить, чтобы Селина поверила в его искренность и открыла для него сердце...

Кэйтлин Битнер Рот

Внезапная страсть

© Kathleen Bittner Roth, 2014

© Перевод. Т.А. Осина, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Апрель 1853 года

Приход Сент-Джеймс, Луизиана

Селина Керкленд смотрела на простой деревянный гроб. Дождь барабанил по крышке, превращая открытую могилу в грязную яму. Острый запах сырой земли и привкус песка во рту вызывали тошноту. Дул пронзительный ветер. Ледяные капли окружали плотной пеленой и иглами вонзались в щеки. Дрожа, Селина плотнее запахнула длинный плащ с капюшоном. Казалось, озябшая природа тоже прощалась с ее свекровью.

Стивен взял Селину за руку.

– Погода становится все хуже. Пора возвращаться домой.

Оцепенев от горя и холода, Селина забралась в повозку и села рядом со свекром; муж устроился на козлах. Ослепительная молния разорвала небо, и почти одновременно землю потряс оглушительный гром. Селина обхватила руками округлившийся живот, словно пытаясь успокоить отчаянно толкавшегося ребенка.

Дождь сердито набирал силу и скоро превратился в ливень.

– Господи, что за напасть! – простонал Стивен и взмахнул кнутом.

Лошади нехотя послушались и куда-то побрели. Селина попыталась удобнее устроиться на жесткой скамье. Как ему удавалось что-то разглядеть в этой беспросветной мгле?

– Должно быть, скоро появится мост?

Лошади дернули и с диким ржанием рванули влево.

– Тпру! – закричал Стивен, но голос утонул в громовом раскате.

Повозка опрокинулась. Селина в ужасе вцепилась в грубый край; из разодранных ладоней потекла кровь – такая же холодная, как нескончаемый ливень.

Обезумевшие лошади били копытами. Одна снова заржала, раздувая ноздри, и попыталась двинуться вперед. Вторая натянула вожжи, стараясь повернуть назад. Надеясь умиротворить испуганных животных, Стивен отчаянно размахивал кнутом, и в этот миг вспышка молнии озарила путь.

Там, где должен был стоять мост, зияла черная дыра, но Селина слишком поздно увидела обрыв и слишком поздно закричала.

Лошади и повозка столкнулись. Воздух наполнился ржанием, скрипом, стуком железа о дерево. Повозка понеслась к реке.

– Госпожа Селина!

Селина вздрогнула, проснулась и едва успела удержаться, чтобы не упасть с подоконника. Провела ладонью по глазам, удивилась яркому солнцу и посмотрела на Мари. Горничная стояла возле кровати, складывая одежду и бросая на нее встревоженные взгляды.

– Прости, я, кажется, кричала? – Селина потеряла затекшую шею.

– Снова дурной сон?

Селина кивнула.

– К тому же уснули сидя. Простите, мадам, но если ложиться ночью в постель, то постепенно можно привыкнуть отдыхать по-человечески, а не дремать на подоконнике, как кошка.

– Тебе известно, что мешает мне нормально спать. – Селина встала с синих бархатных подушек и подошла к туалетному столику.

– Прошел всего лишь год с того дня, когда мистер Андруз нашел вас под сломанной повозкой. – Голос Мари смягчился. – Страшные воспоминания еще не успели отступить. Такая тяжкая потеря!

Раздался короткий стук в дверь, в спальню заглянул юный Линдзи Андруз и с сияющим видом провозгласил:

– Тревор возвращается! Тревор возвращается!

Селина поморщилась от слишком громкого голоса. Мальчик широко улыбнулся; веснушчатое лицо вспыхнуло восторгом.

– Здравствуйте, миссис Селина. Мой старший брат едет домой.

Она кивнула и слабо улыбнулась.

– Спасибо, Линдзи, но мне об этом уже известно.

Парень исчез, а из-за двери донесся радостный смех.

Удивляясь своему мрачному настроению, Селина принялась складывать туалетные принадлежности в одну корзинку, а ленты, гребни и расчески – в другую.

Горничная поставила одну из корзинок на кровать, чтобы убрать белье.

– Ах, этот несносный мисчи Тревор! Знаете, что он приехал в Новый Орлеан уже неделю назад, но только вчера вечером соизволил сообщить отцу о том, что возвращается домой? Фу какой стыд!

– Откуда мне об этом знать?

Селина заметила, что горничная назвала старшего сына Джастина Андруза «мисчи»: этот местный вариант французского слова «месье» выражал особую симпатию. Шоколадная кожа служанки блестела от пота: с раннего утра она старательно переносила вещи госпожи в другую комнату.

– Не пора ли тебе немного отдохнуть, Мари?

– Нет-нет, все хорошо. – Горничная широко улыбнулась и продолжила начатый разговор: – Наверное, мисчи Тревор перевернул вверх дном весь Новый Орлеан. Готова поспорить, что после его отъезда Англия наконец-то вздохнула спокойно. Зато теперь нашим папашам будет не до сна.

Селина бросила в корзинку щетку, но промахнулась – та со стуком упала на пол, – подняла, бросила снова – на сей раз удачно – и начала разбирать ленты.

Мари тут же вмешалась:

– Pardonner-moi. Ne vous en faites pas^[1].

Селина взглянула на пестрый клубок, вздохнула и бросила ленты вслед за щеткой.

– Да, пожалуй, лучше доверить все тебе, я только мешаю.

На певучий диалект французского квартала Мари переходила всякий раз, когда пыталась успокоить госпожу. Она обладала редкой способностью имитировать любой акцент, услышав лишь несколько слов. Селина порой подозревала, что те гибкие французские интонации, которые горничная выдавала за собственные, были столь же искусным подражанием. Своей пестрой, красочной речью Мари артистично создавала иллюзию небольшой разноязыкой толпы.

Горничная озабоченно нахмурилась:

– Вы хорошо себя чувствуете?

– Отлично, – соврала Селина.

Добрела до окна и снова устало опустилась на низкий подоконник. Тяжело вздохнула, поставила локти на карниз, опустила подбородок на сложенные ладони и посмотрела на

игравшую во дворе веселую компанию: дети слуг и рабочих с плантации танцевали и пели под руководством старшего мальчика, который ритмично прищелкивал языком и топал ногой. Слова Селина слышала плохо, но все-таки понимала, что речь в песне идет о Треворе. Казалось, этого таинственного человека с нетерпением ждали все – разумеется, кроме нее.

Вытирая краем передника мокрый от пота лоб, из кухни вышла повариха Золя. Должно быть, сбилась с ног, готовясь к приезду дорогого гостя. Наверняка на плите уже вовсю кипели и булькали многочисленные котелки и кастрюли. Даже на расстоянии в воздухе витали волшебные ароматы секретных подливок, филе и святой троицы луизианской кухни – сельдерея, душистого перца и лука. Желудок требовательно заурчал.

– Кажется, Золя готовит бамию?

– И джамбалayo – уточнила Мари. – Любимые блюда мисчи Тревора.

Селина взглянула вопросительно, и Мари выразительно вскинула брови.

– Вы же знаете, что наша мастерица всегда старается приготовить гостям что-нибудь особенное.

Гостям? Но разве Тревора можно считать гостем? Его не было дома всего два года. Селина навещала в кухню не часто, но успела заметить, что повариха тоже называет молодого господина «мисчи». Почему все говорят об этом человеке с такой нескрываемой любовью? Он же самый настоящий распутник – во всяком случае, если верить слухам.

Но кто дал ей право судить? Мари и Золя знают Тревора с рождения, а она даже ни разу не видела. Если кто-то здесь и был гостем, то именно она, Селина. С мистером Андрузом она познакомилась только в прошлом году, на похоронах свекрови. Родственников у Селины не осталось, а возвратиться в опустевший дом не позволила тяжелая болезнь и горечь потери. Джастин сжалился и пригласил к себе.

Сердце снова печально защемило. Почему же в последнее время стало так плохо? Селина потеряла руку: от плеча до запястья тянулся тонкий красный шрам – напоминание о страшном несчастье, жестоко лишившем ее и мужа, и ребенка.

Мари подошла и остановилась рядом.

– Мадам, вы еще ни слова не сказали о тех прекрасных платьях, которые прислал из города мистер Андруз. Они вам не нравятся?

– Очень нравятся.

– Так в чем же дело?

Селина пожала плечами. Разве можно ответить, в чем дело, когда не понимаешь даже собственных мыслей?

– После смерти матери мисчи Тревор все время сидел на этом подоконнике, подперев ладонью подбородок, и смотрел в никуда – точно так же, как вы.

Селина отдернула локти от карниза, как отдергивают палец от раскаленной плиты.

Мари нахмурилась.

– Сдается мне, что новый гардероб не слишком вас интересует. Письмо от мисчи Тревора пришло на том же пароходе, который привез платья. – Она внезапно смягчилась и потянулась, чтобы поправить локон, самовольно выбившийся из прически и спустившийся на шею. – Беспокойтесь насчет проказ мисчи Тревора? Наверняка немало слышали о его похождениях.

Селина вспыхнула и недовольно повела плечами.

– Не говори глупостей.

Мари тут же опустила руку, на шаг отступила и заговорила на причудливом креольском

диалекте, обладавшем удивительной способностью поднимать настроение.

– Не тревожьтесь о мисчи Треворе. Он не станет к вам приставать. Пусть он повеса и порой даже ведет себя как дурачок, но ни разу не слышала, чтобы надоедал той, которая этого не хочет.

Селина рассмеялась.

– Вот уж не задумывалась о том, что твой мисчи Тревор может «приставать» ко мне. – Она отвернулась к окну, но все-таки успела заметить, как весело, широко улыбнулась Мари. – Ради всего святого, я же не выползла из-под камня.

То ли подействовало легкое поддразнивание, то ли сияющая улыбка осветила комнату, но на душе стало легче.

– Может быть, хотите принять горячую ванну, госпожа Селина?

– Лучше продолжай работу, а то до приезда Тревора не успеешь перенести мои вещи из его комнаты в гостевую.

Мари снова улыбнулась.

– Пароход из Нового Орлеана придет на закате, а нам пока надо дожидаться полудня. – Она подняла самую большую корзину и понесла к двери.

Из коридора донесся зычный голос мистера Андруза.

– Ради бога, Мари, что ты делаешь?

– Убираю вещи мадам из спальни мисчи Тревора и переносу в комнату для гостей, сэр, – деловито ответила та.

– Сейчас же верни все на место.

Селина вскочила с подоконника и подбежала к двери.

– Мари всего лишь выполняет мое распоряжение.

Хозяин не стал повторять, а просто молча посмотрел на служанку.

Мари понимающе кивнула и, словно не замечая присутствия Селины, поспешила обратно.

Мистер Андруз провел ладонью по седым волосам.

– Позвольте спросить, что заставило вас затеять всю эту суету с переездом в гостевую комнату?

Селина скрестила руки на груди.

– Разве вы не слышали? Ваш сын возвращается.

Мистер Андруз нахмурил густые брови.

– Он пробудет здесь недолго... несколько дней.

Селина растерялась.

– Правда?

Хозяин насмешливо склонил голову.

– Неужели вы действительно поверили, что мой тридцатилетний сын собрался жить вместе с отцом? Он приехал из Лондона по делам – в Новый Орлеан, а не сюда.

Внезапно на Селину навалилось чувство одиночества. Как она пропустила всю эту историю? Даже слуги наверняка знают, что Тревор проведет в родном доме считанные дни, а ей до сих пор ничего не известно. Она осталась в стороне – чужая, случайная приживалка.

Селина выпрямилась и решительно расправила плечи.

– Гостевая комната мне больше нравится. Эта выглядит чересчур мужской.

Джастин подошел ближе, подавляя высоким ростом и мощным сложением.

– Не пытайтесь меня обмануть.

Решительный жест, безотказно действовавший на непослушных детей, заставил Селину забыть о возражениях.

– И даже не надейтесь переубедить.

Он постоял так несколько секунд, а потом усмехнулся, отступил и по-отечески похлопал ее по плечу.

– Простите. Наверное, я сам виноват: не разъяснил ситуацию.

Продолжая говорить, мистер Андруз направился к лестнице.

– Поскольку Тревора привели в Новый Орлеан важные дела в конторе нашей судоходной компании, он остановился в городском доме. А примерно через неделю из Англии приедут мои брат и племянник. Все мы с нетерпением ждем прибытия новых кораблей, так что общее волнение вполне понятно.

– Но разве хорошо принимать сына в гостевой комнате? – робко осведомилась Селина вдогонку.

Мистер Андруз остановился на верхней ступеньке и обернулся.

– Не беспокойтесь. Тревор – взрослый мужчина. Несмотря на все, что вы, несомненно, слышали, мой сын прилично воспитан.

Он энергично пошел вниз, с каждой ступенькой повышая голос.

– Постарайтесь принять желания старика, Селина. Я специально поселил вас в эту удобную спальню, потому что для восстановления сил необходимо спокойствие. Признайтесь: у вас лучший вид на сад, да и вся галерея в этом крыле в вашем распоряжении.

Несмотря на то что хозяин уже не мог увидеть, Селина закусил губу и кивнула.

– Что ж, хорошо. – Она повернулась и остановилась в дверях, рассматривая комнату, в которой прожила целый год.

Тревор явно предпочитал синий цвет. Если не считать темно-красного персидского ковра на полу, в интерьере доминировал кобальт. Даже керамический кувшин и таз на мраморном столике в углу радовали глаз глубокой синевой. Роскошная резная кровать вишневого дерева, на четырех столбах, с пологом, такой же стол, глубокое кресло у камина, где она много вечеров провела за книгами, – тоже обитое синим бархатом. Трудно представить комнату красивее, уютнее и удобнее.

Чересчур мужская? Конечно же, нет. Селине здесь все нравилось.

На глаза навернулись слезы. Ах если бы рядом не было Мари, можно было бы от души поплакать!

Пар медленно поднимался, унося с собой напряжение и тревогу. Мари старательно намыливала госпожу. Иногда бывает приятно, когда за тобой ухаживают.

– Какой замечательный сегодня день, Мари. Будь добра, открой дверь в галерею, чтобы доносился запах роз, а не стряпни.

Мари распахнула французское окно. В комнату влетел легкий ветерок и принялся играть кружевными шторами. Легкая ткань затрепетала, словно крылья бабочки. Головокружительный аромат цветов смешался с доносившимся из кухни пряным духом.

– Весной так чудесно, правда? Цветы распускаются. Все выглядит таким чистым и свежим, а вечерами еще достаточно прохладно, чтобы уютно устроиться в кресле у камина. Я рада, что осталась в живых. За год все так изменилось.

Мари присела на стул возле ванны и начала расчесывать густые локоны госпожи.

– В первые месяцы ваши волосы казались безжизненными и больше походили на мочалку.

– Это потому, что сама я чувствовала себя безжизненной.

– А сейчас цвет напоминает крепкий кофе. И как блестят! Кажется, что отсвечивают золотом. Любовалась бы вечно. Да и на вас тоже приятно посмотреть, ничего не скажешь. – Мари умолкла и сосредоточилась на работе.

Селина глубже опустила в ванну, закрыла глаза и погрузилась в доносившиеся с плантации звуки и запахи. Из забытья ее вывели гулкие удары колокола: три, потом еще три. Сигнал означал, что капитан колесного парохода остановился у берега, чтобы высадить пассажиров.

Мари вскочила.

– Ах господи! Три удара, не два – значит, это не груз, а люди. Неужто мисчи Тревор приехал так быстро?

Снизу донесся топот множества ног.

– Тревор вернулся! – крикнул Линдзи возле двери, а в следующую секунду на лестнице послышался звук быстро удаляющихся шагов.

Селина стремительно села; сердце почему-то отчаянно стучало.

– Ты же сказала, что молодой господин приедет на вечернем пароходе!

Мари взволнованно забегала по комнате.

– Ах, госпожа Селина, как же мне успеть одеть вас и причесать, пока он дойдет от пристани до дома?

– Ради бога, успокойся. Так точно ничего не успеешь. Лучше подай полотенце. – Селина встала, обернулась полотенцем и вышла из ванны. – Не собираюсь приветствовать твоего дорогого мисчи Тревора вместе со всеми. Знакомство может состояться во время... – Она взмахнула рукой. – Во время его любимых гамбо и джамбалайи.

Она вытерлась и взяла с кресла лавандовое муслиновое платье. Какое облегчение сменить, наконец, удручающий черный цвет, который носила весь год!

– Как, по-твоему?

Мари стояла возле кровати, нервно теребя белоснежный передник, и смотрела, как обнаженная госпожа летает по комнате.

Не обращая внимания на служанку, та выбрала широкий фиолетовый пояс и подходящие по цвету кожаные туфли.

– Ну вот, теперь все в порядке. Помоги одеться и иди. Волосы подождут до вечера.

Мари нахмурилась и протянула сорочку.

– Не стоит бегать голой перед открытой дверью, когда приехал мисчи Тревор.

– Эта часть дома не просматривается, – успокоила Селина, пока Мари шнуровала корсет. – Ему ведь незачем разгуливать по галерее мимо моей комнаты, правда? Тем более, как ты сказала, он не станет надоедать той, которая этого не хочет.

Мари рассмеялась забавной имитацией креольского акцента и в ответ заговорила на каджуне – акадийском диалекте.

– Да, но мисчи Тревор умеет сделать так, что леди мечтают, чтобы он им надоедал. Прошу прощения, конечно. – Она захихикала, присела в реверансе и поспешила к двери.

Селина подошла к большому зеркалу и внимательно рассмотрела свое отражение. Довольная результатом, взяла флакончик с ароматом ландыша, слегка подушилась, выскользнула в галерею и прошла в переднюю часть дома в надежде тайно увидеть Тревора.

Она спряталась за одной из окружавших двухэтажный особняк дорических колонн и осторожно выглянула. Открытый экипаж стоял в двух сотнях ярдов от дома, на берегу, перед

белоснежным кораблем «La Belle Creole» («Прекрасная креолка») – украшением Миссисипи.

Величественный двухпалубный пароход регулярно ходил по главной американской реке мимо Карлтон-Окса, совершая рейсы между Новым Орлеаном и Батон-Ружем, и всякий раз Селина с волнением любовалась его красотой. Те части судна, которые оставались свободными от причудливых кованых завитков, сияли белизной свежей краски. Две высоких элегантных трубы выпускали в небо столбы белого пара, а колесо на корме взбивало воду в пышную пену – тоже белоснежную. Элегантно одетые пассажиры неторопливо прогуливались по верхней палубе, с интересом всматриваясь в бесконечную цепочку плантаций на берегу.

Вот по трапу быстро спустился человек, подошел к поджидавшему экипажу и легко вскочил на сиденье. Должно быть, это и есть долгожданный Тревор. Расстояние не позволяло определить точно, но Селине он показался высоким, как отец и братья, но в то же время темноволосым, как сестра, чье возбужденное щебетанье доносилось с первого этажа.

Трап тут же вернулся на палубу. Механик закрыл дверь, послышалось три удара колокола, колесо закрутилось, вода забурлила, и пароход легко продолжил путь вверх по реке.

Экипаж неторопливо приближался к дому по тенистой аллее, постепенно увеличиваясь в размерах. По обе стороны узкой дороги возвышались раскидистые дубы, и сплетенные ветки создавали зеленый коридор. Селина отошла в глубь галереи, надеясь, что яркие лозы бразильского винограда, плотно опутавшие перила и колонну, за которой она спряталась, прикроют широкую лавандовую юбку. Ах, до чего же некстати этот ужасный криолин!

Линдзи прыгнул с дерева и с радостным криком побежал за экипажем. Тревор повернулся спиной к дому, чтобы посмотреть на брата; скоро Линдзи догнал экипаж и пошел рядом.

Возле дома, у крыльца, дорогого гостя поджидала радостная толпа родственников и слуг. Селина едва не задохнулась. Ах господи! Такого великолепного мужчину ей еще не приходилось видеть!

Возница остановился посреди двора. Тревор поставил одну ногу на ступеньку и наклонился, чтобы дотянуться до чемодана. Темно-синий сюртук из тонкой шерсти не скрывал его четко очерченных мускулов. Одним быстрым движением он поднял чемодан, прыгнул и поставил на землю, затем небрежно провел рукой по бедру, разглаживая облегающие бежевые бриджи, заправленные в блестящие черные сапоги до колен.

Селина замерла, не в силах отвести зачарованного взгляда, и даже подошла ближе к краю галереи, чтобы лучше рассмотреть загадочного красавца. Тот стоял, с ленивой грацией прислонившись спиной к экипажу, и ослепительно улыбался. На фоне загорелой золотистой кожи сияли белизной безупречно ровные зубы. Темные глаза светились лукавством, а от уголков к вискам лучились морщинки.

Линдзи первым подбежал к брату. Тревор подбросил мальчика высоко в воздух, а потом поставил на землю и ласково взъерошил и без того непослушные волосы. Рядом оказался Мишелл – второй из сыновей, – сам Джастин, а спустя секунду сестра Фелиция, до этого скромно стоявшая в сторонке, не выдержала и, растолкав мужчин, повисла у Тревоора на шее.

– Je t’aime, je t’aime!^[2] – закричала она, покрывая лицо брата восторженными поцелуями. Темные кудри очаровательно танцевали вокруг прелестного личика. – Я так соскучилась, mon frere!^[3]

С легкой улыбкой на поразительно красивом лице Тревор сердечно здоровался с родными. Трудно было не заметить, что, подобно малышке Фелиции, он удивительно

напоминал висевший в гостиной прекрасный портрет матери-француженки.

Внезапно смутившись, Селина спряталась и прижалась щекой к колонне. Тревор Андруз оказался совсем не таким, каким она его представляла. Ростом и мощной статью он походил на Джастина, но на этом подобие заканчивалось: не было орлиного носа, свойственного для отца и младших братьев; не чувствовалось жесткости характера. Конечно, Селина ожидала увидеть впечатляющего мужчину – в этой семье все отличались красотой, – но ей казалось, что новый знакомый окажется таким же, как те богатые денди, которых она старательно обходила стороной еще до свадьбы. Несмотря на безупречную любезность, что-то в них неизменно отталкивало. Сначала она удивлялась, почему другие молодые леди не замечают изъяна, но потом поняла, что те просто не обращают внимания ни на что иное, кроме богатства. А в манерах и в поведении Тревор не чувствовалось даже намека на неискренность.

Фелиция взяла брата за руку, приподнялась на цыпочки и что-то шепнула на ухо. Тревор усмехнулся, схватил сестру за талию и закружил. Подол пышного платья взлетел вместе с нижними юбочками.

– Отпусти! – восторженно заверещала девочка, на самом деле вовсе того не желая.

Тревор рассмеялся, поднял голову и увидел Селину. Тут же перестал кружить сестренку, бережно опустил на землю и застыл, не отводя взгляда и приоткрыв рот – словно окаменел от потрясения.

Селина перестала дышать; глубоко внутри запылал запретный огонь. Какой чувственный мужчина! Мощный магнетизм внушал странное, похожее на страх чувство. Она стояла неподвижно, безучастно, пытаясь скрыть эмоции. Горячий требовательный взгляд обжигал, словно дерзкое прикосновение. Селина гордо подняла голову, показывая, что не намерена уклоняться от внезапного внимания.

Спустя пару секунд Тревор вернулся к своей обычной непринужденной манере. С очаровательной, чуть насмешливой улыбкой в уголках губ и озорным огнем в глазах он картинно поклонился, приподнял воображаемую шляпу и легко зашагал к крыльцу.

Проклятье!

Селина поспешила вернуться в спальню. Она сердито захлопнула французское окно и сбросила с ног туфли: одна атласная туфелька пролетела через всю комнату, стукнулась о дверь и упала на пол, а вторая угодила прямоком в камин. В ярости оттого, что ее уличили в подглядывании, с пылающим от стыда лицом, Селина присела на подоконник. Подобрав ноги к подбородку и обняв руками колени, в растрепанных чувствах уставилась в окно невидящим взглядом.

Тревожило не только разоблаченное любопытство.

Острые вопросы вызывало нечто иное: почему простое возвращение человека домой так расстроило ее? В глазах стоял туман, и Селина с досадой смахнула непрошеные слезы. Разве не выплакала она их все, до капельки, на могиле Стивена? В последнее время уже стало казаться, что физическое и душевное выздоровление совсем близко, и вот пожалуйста!

Только сейчас Селина осознала, что за целый год, проведенный в гостеприимном доме Джастина Андруза, она не выходила никуда, кроме кладбища. Пасторальная жизнь в Карлтон-Оксе текла спокойно и предсказуемо, как неспешные воды великой реки Миссисипи. И безопасно. Но именно спокойствие, предсказуемость и безопасность лишали уверенности: как выйти за границы плантации? Как снова шагнуть в мир? Нет, Селина не сердилась на Тревора за внезапный приезд, а просто боялась сделать следующий шаг в

жизни, – вот в чем секрет смятения чувств.

Приезд молодого господина в Карлтон-Окс нарушил привычную рутину плантации и ее собственное устоявшееся существование. Куда серьезнее то, что случилось с ней при одном взгляде на этого человека. Боже милостивый, откуда вдруг вырвался вулкан чувств? Далекие от реальности желания остались в таком глубоком прошлом – еще до свадьбы, – что она совсем о них забыла.

Было время, когда они с лучшей подругой Дианой Морган уходили далеко в сад и, сидя под деревом, читали эротические книги, ловко спрятанные в сложенных зонтиках. По ночам Селина часто просыпалась от душных, влажных, чувственных сновидений. А вот после свадьбы с грустью думала, что книжки обманывали доверчивых девушек: реальность ограничивалась несколькими минутами суетливой возни в темноте, с грубо задранной к подбородку плотной ночной рубашкой.

Тревор Андруз показался волшебной фантазией. Любой элегантный учтивый мужчина, спустившийся с ослепительно белого парохода и проехавший в открытом экипаже по живописной аллее самой красивой во всей Луизиане плантации, непременно возбудил бы в душе романтические мечты. Особенно в душе тайно наблюдавшей за ним женщины, в юности успевшей вкусить запретный плод эротического чтения.

Селина опустила руку в скрытый пышными сборками карман и достала письмо Дианы, с которым уже давно не расставалась. Семейство Морган не так давно перебралось в Сан-Франциско, и подруга приглашала поселиться в новом роскошном отеле отца.

Одна лишь мысль о расставании с домом и людьми, уже ставшими родными и любимыми, отзывалась в сердце острой болью. Однако кровные узы с Луизианой больше не связывали, так что Селина твердо решила, что вечером наконец-то напишет Диане и примет великодушное приглашение.

Почти час она сидела на подоконнике, разбираясь в запутанном клубке мыслей и чувств и раскладывая по полочкам события минувшего года. Возвращение Тревора вызвало немало вопросов, но Селина твердо сказала себе, что сумеет встретить испытание достойно. Она давно уже не взволнованная школьница с романтической книжкой в руках, а взрослая женщина: почти двадцать один год.

К тому же вдова.

Продолжая рассеянно смотреть в окно, Селина едва заметно улыбнулась собственным мыслям, и в этот миг ее внимание привлекло легкое движение в глубине комнаты. Она обернулась и оказалась лицом к лицу с неотразимым Тревором Бренденом Андрузом.

Джентльмен невозмутимо стоял, слегка расставив ноги и сложив руки на груди.

– О чем задумались?

Селина оцепенела, на миг утратив способность дышать, а потом с трудом сглотнула. Вдова или не вдова, разве кому-то дано право входить без стука и разрешения? Она поднялась и смерила мистера Тревора холодным взглядом. Ах господи, до чего же близко он стоял! Так близко, что ничего не стоило ощутить запах сандалового дерева и мускуса. А еще восхитительный жар сильного тела, от которого едва не закружилась голова.

Она отважно посмотрела в черные глаза, обрамленные густыми темными ресницами. В глубине этих глаз светилось понимание, от которого сердце беспомощно затрепетало. Селина опустила взгляд и наткнулась на полные чувственные губы. Станный огонь, опаливший в галерее, вспыхнул с новой силой. Чтобы скрыть внезапную дрожь и обуздать запретные мысли, пришлось сжать ладони в кулаки.

Она снова посмотрела в глаза: теперь в них читалось любопытство и... озорство?

– Вот, решил собственными глазами увидеть ту сказочную особу, о которой успел слышать много лестного. Вы сумели до такой степени очаровать все мое семейство, что мне было приказано держаться на расстоянии. – Уголок рта насмешливо дрогнул. – Чтобы не осквернять своим присутствием вашу несравненную добродетель, видите ли.

О боже! Глубокий, чуть хрипловатый голос околдовал. Удастся ли произнести хотя бы слово?

– Не понимаю, о чем вы, сэр.

Селина посмотрела поверх плеча непрошеного гостя и увидела, что в дверях стоит Мари с воинственно сложенными на груди руками и с выражением суровой непреклонности на лице.

Тревор проследил за взглядом Селины и слегка обернулся.

– Не беспокойся, Мари, твоя подопечная в безопасности.

Горничная нетерпеливо топнула ногой.

– Мистер, я пришла, чтобы узнать, нужно ли помочь разобрать вещи... на новом месте.

Тревор нахмурился.

– Значит, теперь я уже «мистер», а не «мисчи»?

Он снова перевел взгляд на Селину.

– Похоже, здесь у вас достаточно сторонников, чтобы получить все, что захочется, в том числе и мою спальню. И вот теперь сердитая горничная, бесследно утратив бывшее обожание, безжалостно гонит меня прочь, в безликую гостевую комнату.

На губах появилась соблазнительная улыбка. Селина ощутила, как лихорадочно заколотилось сердце. Его взгляд замер на углублении между ключицами, где нервно пульсировала жилка. Он все видит, все замечает! Если бы можно было упасть в обморок и избавиться от позора!

Тревор слегка склонил голову.

– С другой стороны, гостевая комната расположена рядом, что не так уж и плохо. Если вам вдруг что-нибудь понадобится... – Он тихо рассмеялся, слегка приподнял брови и вытянул руку. Длинные тонкие пальцы коснулись упавшего на плечо локона. Густые ресницы опустились, прикрыв бархатные глаза.

Селина держалась твердо, готовясь с честью встретить любую вольность. Особенно в присутствии Мари. До чего же он смел! Разве удивительно, что женщины не в силах противостоять его чувственному напору?

Тревор улыбнулся так, словно прочитал мысли. Засунул большой палец за пояс, слегка поднял голову и посмотрел сквозь полуопущенные веки.

– В чем дело? Неужели рассматривать меня вблизи не настолько интересно и приятно, как подглядывать с галереи, из-за колонны?

Подобного выпада Селина никак не ожидала. Ведро холодной воды не смогло бы шокировать сильнее. Что ж, пусть глумится, если хочет.

Тревор окинул ее лукавым взглядом.

– Мадам, еще немного стойкости и самообладания, и вы превратитесь в статую.

Селина простояла неподвижно еще пару мгновений, а потом резко повернулась и метнулась туда, где валялась одна из туфель. Надела и нервно осмотрелась в поисках второй.

Тревор усмехнулся и подошел к камину. Достал туфлю, сдул золу и протянул.

– Кажется, скучать дома не придется, миссис Керкленд. – Не оглядываясь, он прошел

мимо застывшей возле двери Мари.

Только теперь горничная позволила себе переступить порог.

– Я предупреждала, что наш молодой господин – изрядный негодник.

Сердито фыркнув, Селина сунула ногу в поданную Тревором туфлю, повернулась на каблуках, без единого слова выбежала сквозь французское окно в галерею и по узкой лестнице спустилась в сад.

Джастин сидел за письменным столом, а Тревор вольготно расположился напротив, спиной к двери, в одном из двух огромных кожаных кресел. Отец и сын вместе просматривали декларации грузовых судов.

Тревор легко постучал кнутом по голенищу сапога.

– В Бостоне богатая семья Малоун подписала с нами новый контракт. Сделка выросла в два раза. И не они одни стремятся расширить сотрудничество. Поверь, возрастающие противоречия между штатами не единственный убедительный повод перенести контору из Нового Орлеана в Сан-Франциско. Торговля с Китаем расширяется быстрее, чем мы успеваем заказывать и получать новые корабли.

Джастин задумчиво барабанил пальцами по массивному столу.

– Уверен, что Саймон не захочет уезжать из Нового Орлеана. Кто займется нашими делами в Калифорнии?

– Кэмерон готов взять ответственность на себя.

– Хочешь сказать, что твой кузен согласился променять изощренную Англию на едва родившийся убогий городишко?

– Мы тянули жребий.

– Что-что?

– Тянули жребий. Соломинки. Да-да, папа, не удивляйся. Именно так все и было. Принесли из конюшни пучок соломы и положились на волю судьбы.

– Боже милостивый! Разве так решается будущее огромного бизнеса?

Одно из двух: или соломинки, или шпаги.

– Подумать только! А что, если бы ты проиграл? Кэмерон, конечно, умен и решителен, но пока не обладает твоим опытом да и не успел еще приобрести деловую хватку, необходимую для управления всей компанией.

Тревор лукаво усмехнулся.

– Я смошенничал.

– Что? – возмущенно воскликнул отец.

Сын продолжал беспечно постукивать кнутом.

– На моем месте ты наверняка сделал бы то же самое.

Джастин хмыкнул.

– Возможно. Итак, ты останешься в Англии?

– Скорее в океане. Дядя Майлз займется конторами в Ливерпуле и в Лондоне, а мне придется курсировать между Англией и Сан-Франциско, чтобы держать дела под контролем. Но когда поступят новые суда, надеюсь попасть на борт во время первого китайского рейса.

Он провел ладонью по колену, в задумчивости расправляя замшевые бриджи.

– В последнее время что-то не сидится на месте.

Джастин откинулся на спинку кресла и глубоко вздохнул.

– До сих пор все твои решения оказывались верными. Да и бизнес под умелым руководством вырос вчетверо. – Он помолчал, посмотрел в окно и грустно добавил: – Да, я отошел от дел, Тревор, и все же ликвидировать контору в Новом Орлеане очень жалко. Сколько смелых идей там родилось!

– Мне кажется, пора задуматься о продаже плантации.

Отец вздрогнул и повернулся к сыну.

– Продать Карлтон-Окс? Никогда!

Тревога охватило знакомое раздражение. Пытаясь успокоиться, он глубоко вздохнул.

– В кофейнях Бостона поговаривают, что рано или поздно придет время, когда между штатами разгорится война. И если это действительно случится, в одно страшное утро ты проснешься и увидишь, что весь юг кишит аболиционистами, готовыми крушить и жечь все, что попадется под руки.

Джастин упрямо сжал губы.

– Я не рабовладелец. Тебе отлично известно, как горячо я осуждаю торговлю людьми. Все мои работники свободны и получают...

– Мне-то отлично известно, но аболиционистам не известно ровным счетом ничего, вот в чем беда. – Тревор сел прямо и покачал головой. – Они даже не остановятся, чтобы поговорить с тобой. Знаю, как ты любишь свою налаженную, давным-давно устоявшуюся жизнь, и все же пора продать дом, землю и тронуться в путь. Через несколько лет все это богатство не будет стоить даже доллара.

– И куда же, черт возьми, мне ехать?

Тревор пожал плечами.

– Не знаю. Если не хочешь возвращаться к своим корням, в Англию, то, наверное, надо двигаться на запад. Единственное, что меня волнует, это благополучие семьи. Надеюсь, ты склонен доверять моей интуиции не только в тех случаях, когда она обещает что-то приятное.

Отец пронзительно посмотрел на сына и снова отвернулся к окну.

– Мне плевать на политические дразги в каких-то северных кофейнях. Фелиция и Линдзи останутся в Америке. Я должен вырастить их здесь, в Карлтон-Оксе, и точка.

С тяжелым сердцем Тревор завел неприятный разговор уже спустя пару часов после приезда, но другой возможности могло и не представиться. К тому же так у отца будет время подумать.

– Взгляни на свою сестру, – нежно поговорил мистер Андруз. – Правда, удивительно похожа на маму?

Тревор поднял голову и увидел, как Фелиция идет по галерее. Вот девочка кому-то помахала и остановилась в ожидании. Весь ее вид выражал нетерпеливое волнение.

Спустя пару мгновений в раме окна появилась миссис Керкленд, и внимание Тревога безраздельно сосредоточилось на сцене в галерее. Он зачарованно наблюдал, как Фелиция что-то с жаром рассказывает, а собеседница с понимающей улыбкой смотрит в милое личико.

Пульс ускорился; Тревор замер, не в силах отвести взгляд. Какая удивительная притягательность! Недавнее холодное высокомерие бесследно исчезло. Значит, неприязненная сдержанность предназначалась исключительно ему? Или всем мужчинам? А может быть, тем людям, которые почему-то не вызвали симпатию? Нежное отношение к сестре сомнений не вызывало. Тревор недовольно сжал губы.

– Это Селина Керкленд, – пояснил отец. – Та самая молодая вдова, о которой я тебе рассказывал. Кажется, направляется в дом. Сейчас позову и познакомлю вас.

Словно услышав последние слова, спустя секунду Селина вошла в комнату.

– Джастин, я только что разговаривала с Фелицией. Она взволнована предстоящим балом, на который нас пригласили, и...

Голос внезапно сорвался: Тревор непринужденно встал с кресла и повернулся. В первый миг могло показаться, что Селина увидела привидение, однако самообладание тут же вернулось – так быстро, что мистер Андруз, должно быть, не заметил мгновенного смятения.

Тревор провел рукой по бриджам, расправляя складки. Удивительно, но взгляд гостьи проследовал за ладонью и остановился там, где не следовало, – всего лишь на миг, но даже этого хватило, чтобы щеки зарделись.

Селина, конечно, сумела взять себя в руки, но не раньше, чем провела языком по губам. Наверняка от смущения пересохло во рту. Удастся ли когда-нибудь ощутить вкус этих восхитительных губ?

Тряхнув головой, чтобы прогнать наваждение, гостья подошла к столу.

– Селина, хочу познакомить вас со своим старшим сыном. Тревор, это наша миссис Керкленд.

«Наша миссис Керкленд»? «Наша»?

Селина протянула руку для пожатия, однако Тревор предпочел перевернуть ладонь и прикоснуться губами к тонким пальцам.

Она отдернула руку, словно от прикосновения к раскаленным углям, а взгляд устремила в пол.

– Так много о вас слышал, миссис Керкленд. Вы сумели очаровать все мое семейство.

Ее глаза поднялись и вспыхнули изумрудным огнем. Интересно, они способны изменять цвет в зависимости от настроения и оттенка платья? Тревор пристально посмотрел, пытаясь передать молчаливое послание: да, ему не хотелось вспоминать о грубом вторжении в ее комнату.

На ее лице промелькнуло упрямство – очевидно, в игре участвуют двое, – но тут же сменилось теплой улыбкой.

Теперь в волшебных глазах светились золотые искры. Трудно было бы точно определить их цвет, но одно обстоятельство сомнений не вызывало: они обладали редкой способностью говорить на собственном языке.

– Прошу, Селина, присаживайтесь, – пригласил Джастин.

– К сожалению, некогда. Я гуляла у реки, а сейчас уже пора переодеваться к обеду. – Но она все-таки опустилась на краешек кресла.

Тревор посмотрел на выглянувшие из-под юбки туфли. На одной – той самой, которую он вытащил из камина, – остались следы сажи. И обе слегка намокли. Он усмехнулся, и Селина тут же поджала ноги.

Ее глаза снова изменили цвет. Тревор прошел мимо стола, снял с полки книгу, остановился слева от отца и, лениво перелистывая страницы, повернулся к гостье.

Селина смотрела только на Джастина, упорно стараясь не замечать второго джентльмена, однако Тревор позаботился, чтобы этого не случилось, и безошибочно выбрал точку в пространстве. Глупая женщина не понимала, что имеет дело с опытным мастером обольщения.

Отец слегка наклонился, вытянул руки на столе и сжал кулаки.

– Есть и еще одна приятная новость, Селина. Мой брат Майлз и племянник Кэмерон скоро составят нам компанию. Я ждал их через неделю, но оказалось, что они прибыли из Англии в Новый Орлеан на одном клипере с Тревором. Решат в городе кое-какие срочные дела и на вечернем пароходе приедут к нам. Так что сегодня за ужином отпразднуем радостное событие: после десяти лет вдовства Майлз наконец снова женился.

– Как интересно! – Селина улыбнулась и посмотрела на мистера Андруза с той же искренней симпатией, с какой недавно разговаривала с Фелицией.

– А через месяц, в день вашего рождения, на плантации соберется вся наша семья. – Джастин оглянулся на сына. – Собираюсь дать официальный бал в честь миссис Керкленд. Год траура прошел, так что пора вернуться в свет. Тебе, разумеется, придется приехать из Нового Орлеана. А через пару дней на плантации Веррет состоится танцевальный вечер.

Тревор молча наблюдал за охватившим Селину радостным волнением.

– А у Кэмерона тоже есть жена, с которой мне предстоит познакомиться? – уточнила она, предвкушая новые впечатления.

– Пока нет, – ответил Джастин и с улыбкой взглянул на Тревора. – Кажется, кузены не спешат связать себя священными узами брака.

Тревор недовольно повел плечом. Проклятье! Знал бы о существовании Селины, непременно позаботился бы, чтобы Кэмерон остался в Новом Орлеане. Парень не пропускал ни одной хорошенькой вдовушки. Впрочем, и сам Тревор...

Отец снова повернулся к миссис Керкленд.

– Позабочусь, чтобы Кэмерон исправно сопровождал вас во время ответственных выходов.

Кэмерон? Какого черта Кэмерон? В глубине души шевельнулось странное, прежде неведомое, но очень неприятное чувство.

– О, прошу вас, в этом нет необходимости. Я уже пообещала другому, что пойду с ним, – спокойно возразила Селина.

Мужчины одновременно вскинули головы. Правда, Тревор тут же поспешил опустить глаза и снова начал перелистывать страницы, притворяясь, что читает.

– Линдзи твердо намерен меня опекать, – рассмеялась Селина. – С нетерпением ждет возможности проявить галантность. Считает себя вполне взрослым джентльменом. – Щеки порозовели, а в глазах загорелись веселые огоньки.

Тревор поставил книгу на место, прислонился спиной к шкафу и скрестил руки на груди, со странным чувством наблюдая за происходящим.

Селина поднялась, собираясь уйти.

– Спасибо за духи, Джастин. Невозможно выбрать более совершенный аромат. Вы уже хорошо меня знаете, правда?

Он хорошо ее знает? И дарит духи? В груди у Тревора образовалась холодная пустота. Что же, черт возьми, здесь творится? Не мерещится ли ему лишнее? Ни разу даже в голову не приходило, что отец способен снова жениться, да еще на столь молодой особе. Но дядя Майлз именно так и поступил. Конечно, его вторая жена старше миссис Керкленд, но значительно моложе матери Кэмерона. Стоит ли удивляться, что Селина так заботится о Фелиции и Линдзи? Да, сумела расположить к себе обоих. А он-то, дурак, задумал... ах, проклятье!

– Пожалуй, мне тоже пора, – произнес Тревор. – Позвольте проводить вас, миссис Керкленд. Он прошел мимо отца, любезно взял гостью под локоток и в полном молчании повел вверх. – Какую милую сценку вы только что разыграли в кабинете, – прорычал Тревор, остановившись возле двери.

Селина порывисто обернулась.

– Что вы имеете в виду?

– Скорее этот вопрос должен задать я. С какими намерениями вы так упорно

внедряетесь в мою семью? «Ах, Линдзи, ах, Фелиция, ах, Джастин!» – ядовито передразнил Тревор. – Претендуете на роль следующей миссис Андруз?

Селина размахнулась, чтобы дать пощечину, но он успел поймать руку. Ее глаза превратились в узкие щелки.

– Что вы за...

– Негодяй? – Тревор вскинул брови. – Почему бы не произнести единственно верное слово? Обычно никто не стесняется. – Он крепко стиснул тонкое запястье; стремительное биение пульса стало общим. Несмотря на гнев, Тревор не находил сил ослабить хватку.

– Немедленно отпустите, – ледяным тоном потребовала Селина.

В ответ он еще крепче сжал руку, молча глядя в пылающее лицо и отчаянно борясь с желанием поцеловать. Что за чертовщина? Отвратительно желать женщину, которой интересуется отец!

– Судя по всему, вы плохо понимаете собственного отца, – наконец проговорила Селина. – И уж точно не знаете, что нас с ним связывает. Мистер Андруз приютил меня в своем доме на время траура. А теперь траур закончился, и он тактично наметил несколько светских событий – специально для того, чтобы я смогла вернуться в общество. А также позаботился о продаже моего имущества. Процедура закончится через месяц и обеспечит меня средствами, достаточными, чтобы спокойно дожить до конца своих дней. В одиночестве.

Кажется, произошла грубая ошибка. Тревор открыл рот, чтобы извиниться, однако не успел.

– Ваш отец хорошо знал родителей моего мужа. А меня, совершенно чужую, принял только потому, что, овдовев, я осталась совсем одна и не могла управлять той небольшой плантацией, которую получила в наследство. Скоро уеду отсюда, как планировала с самого начала, и скорее всего больше никогда не увижу мистера Андруза. Но благодарность к нему навсегда сохранится в сердце, сколько бы миль нас не разделяло. Впрочем, вам вряд ли понятна простая дружба между людьми противоположного пола. Судя по тому, что довелось слышать и наблюдать, от женщины вы не ждете ничего, кроме ночных утех. Надо бы вас пожалеть, но у меня вы почему-то вызываете только презрение.

Несмотря на резкость ее ответа, злость Тревора сменилась укором совести.

– Прошу прощения за ошибочный вывод.

Он наконец медленно опустил руку, которую все еще удерживал, и разжал пальцы, однако так и не отвел взгляда от холодных изумрудных глаз, уже начисто лишенных золотых искр.

Селина тут же отвернулась, скрылась в комнате и захлопнула за собой дверь.

Губы Тревора растянулись в медленной удовлетворенной улыбке. Во всяком случае, теперь он знал, как заставить эти удивительные глаза изменять цвет подобно калейдоскопу. Предстояло выяснить еще кое-что. Негромко насвистывая, он направился в гостевую комнату.

Селина остановилась у основания центральной лестницы и через холл осторожно заглянула в столовую. Увидела, что семья уже в сборе, и еще крепче сжала руку Линдзи. Мишелл, исполненный политических идей студент университета Томаса Джефферсона (вернувшийся домой на каникулы), что-то с жаром говорил. Тревор стоял рядом с кузеном, спиной к двери. К счастью, ее никто не заметил. Не хотелось бы снова услышать обвинение в шпионаже.

В комнате собралось шесть человек. Но где же Джастин?

В этот момент он вышел из библиотеки.

– А, Селина, вот вы где. Великолепно выглядите!

– Спасибо. – Рядом с хозяином дома она сразу почувствовала себя увереннее.

Мистер Андруз встал перед дверью, загородив обзор широкой спиной, и взглянул с улыбкой.

– Платье поистине прекрасно. Как и вы, разумеется.

Селина провела ладонью по каскаду тончайшего бельгийского кружева, спускавшегося от талии к полу.

– Предпочла бы что-нибудь менее экстравагантное, но Мари настояла. Вы же знаете, на какое упрямство она порой способна. По крайней мере, бежевый цвет небросок и скромен.

Она коснулась кружевного корсажа, оставившего на виду не только плечи, но и верхнюю часть бюста. Глубокое декольте выглядело слишком откровенным. Утягивавший талию широкий шоколадный пояс безупречно гармонировал с замшевыми туфельками. Радуюсь удобству, Селина легко переступила с ноги на ногу.

Джастин дружески пожал руку.

– Успокойтесь. Это всего лишь теплая семейная встреча.

Линдзи устал ждать.

– Папа, можно мне пойти в столовую?

– Как хочешь.

Мальчик метнулся по просторному холлу, словно выпущенный из стойла жеребенок.

– Что тут скажешь? Тринадцать лет, – усмехнулся Джастин и любезно предложил руку. – Может быть, и нам пора?

Селина положила ладонь на его рукав и глубоко вздохнула.

– Да, конечно.

Столовая поражала великолепием убранства. Мерцание свечей отражалось в бесчисленных хрустальных подвесках двух массивных люстр. Стол украшали канделябры – достаточно высокие, чтобы сидящие видели все вокруг. В центре, в плоской вазе, плавали розы цвета восходящего солнца.

Собравшиеся стояли возле распахнутого французского окна с бокалами в руках и потягивали кто мятный джулеп, кто сангрию.

Селина ощутила острый приступ страха, но тут же взяла себя в руки. Мишелл быстро подошел и поцеловал в щеку.

– Восхитительно выглядите. – Он уверенно завладел ее рукой и лукаво шепнул на ухо: – Пойдемте, познакомлю с кузеном и его родителями. Кэмерон от вас с ума сойдет.

В следующий миг Селина оказалась перед невероятно красивым молодым

джентльменом. Легкое удивление на его лице сменилось выражением холодного, почти высокомерного равнодушия.

Тревор стоял чуть поодаль, слева. Даже не взглянув на него, Селина сосредоточила внимание на Кэмероне. О небо! Если бы не светло-ореховые глаза, окруженные такими же густыми и темными, как у Тревора, ресницами, и не аккуратно подстриженные щегольские усики, то кузенов можно было бы принять за братьев-близнецов. Почти одного роста, с одинаковыми волнистыми черными волосами и атлетическими фигурами, подчеркнутыми отлично сшитой одеждой, они словно конкурировали между собой.

Селина мельком взглянула на Тревора, и тот едва заметно кивнул в знак приветствия. Судя по всему, родственники соревновались не только во внешнем лоске, но и в надменности манер. Она снова переключилась на Кэмерона, и Мишель мастерски провел церемонию знакомства.

Кэмерон держался очаровательно. Нет, кузенов объединяла вовсе не заносчивость. Скорее внутренняя сила. И озорство. И уверенность. А еще поразительная притягательность. Должно быть, вдвоем они обладали несокрушимой деловой мощью. А по вечерам, вместе появляясь в свете, с легкостью пленяли сердца. Свою природную силу оба носили с таким же неподражаемым мастерством, как безупречно элегантные костюмы.

Селина с трудом вздохнула. Ах, до чего же узок корсет! Протянула руку для приветствия. Да, Диана сумела бы по достоинству оценить этих красавцев! Находясь с подругой Селина чувствовала бы себя намного увереннее.

Кэмерон поднес руку Селины к губам и с изысканной учтивостью коснулся кончиков пальцев. Как хорошо, что легкое прикосновение не обожгло, как светский поцелуй Тревора! А главное, близкое присутствие этого человека не вызвало дрожи в коленях и головокружения. Селина улыбнулась.

– Рада знакомству.

– Готов поспорить, что так и есть, – произнес Тревор, пристально глядя на Селину.

Пришлось признать его присутствие.

– Добрый вечер.

Вместо того чтобы приложиться к руке по примеру кузена, Тревор сжал ладони за спиной и медленно, дюйм за дюймом, осмотрел ее с головы до ног и обратно.

– Действительно добрый.

Аккуратно подстриженные волосы казались такими же черными, как бархатный сюртук. Темно-серые брюки элегантно облегли узкие бедра и длинные ноги. Сейчас Тревор предстал еще более мужественным и притягательным, чем несколько часов назад, когда привел ее в смятение. Дыхание давалось с трудом. Что же с ней случилось? Ради всего святого, она ведь не воспитанница закрытого пансиона!

Лицо Тревора дрогнуло.

– Простите. – Он резко повернулся на каблуках и вышел на террасу.

Странно... что заставило его удалиться так внезапно? Селина расправила плечи и с улыбкой посмотрела на Кэмерона.

Джентльмен любезно взял ее под руку и повел туда, где стояли родители.

– Хочу познакомить вас с отцом и его новой женой.

Селина легко вздохнула: к счастью, Кэмерон держался дружелюбно, а главное, не оказывал такого разрушительного воздействия, как Тревор.

Отец Кэмерона, Майлз, выглядел более молодой версией Джастина: седина только

начала серебрить темные волосы. Рядом с ним стояла невысокая полная женщина. Когда их представили, Элизабет Андруз кивнула новой знакомой, но не вымолвила ни слова, а лишь густо покраснела и потупила взгляд.

Кажется, супруга Майлза страдала излишней стеснительностью.

Когда спустя несколько минут Тревор вернулся, Кэмерон все еще держал Селину под руку.

– Рад, что вы так быстро подружились, – язвительно заметил он, криво улыбнувшись.

– Не пора ли занять места за столом? – пригласил хозяин, прерывая опасную игру.

«Всемогущий Господь, пошли мне силы!» – мысленно взмолилась Селина, подошла к столу и остановилась возле того места, где на белоснежной скатерти лежала карточка с ее именем.

– Замечательно. – Кэмерон отодвинул стул для дамы и еще один, справа от нее.

– Судя по всему, здесь должен сидеть Мишелл. – Селина показала на карточку. – А вы справа от него.

Кэмерон небрежно поменял надписи местами.

– Разве?

Линдзи поспешил усесться на свой стул слева от миссис Керкленд, словно опасаясь, что кто-нибудь его прогонит.

Вскоре выяснилось, что, вопреки ожиданиям, Тревор оказался напротив, и Селина нервно вцепилась в стул. Она специально прокралась в столовую и положила карточку с его именем как можно дальше от своего места! Как же он сумел устроиться лицом к лицу? Теперь предстояло весь вечер смотреть в эти бездонные глаза, и пути к отступлению уже не было.

Майлз и Джастин заняли почетные места в торцах стола, а Элизабет села рядом с мужем. Стул справа от хозяина до сих пор оставался пустым. Джастин метнул острый взгляд в сторону старшего сына.

– Кто поменял местами карточки?

Губы Тревора дрогнули. Он поднял бокал сангрии, делая вид, что пьет, однако поверх хрустального края глаза продолжали смеяться.

Джастин на миг задумался, а потом озадаченно пробормотал:

– Что ж, кажется, вечер обещает интересные наблюдения.

В этот момент в столовой появилась Фелиция, одетая в серебристо-голубое шелковое платье с белыми кружевами и ниткой удивительно подходящего по цвету жемчуга на шее. Девочка заняла единственное свободное место и принялась непринужденно щебетать по-французски.

– Mon Dieu!^[4] – пробормотал отец, но тут же улыбнулся.

– Элизабет понимает только по-английски, а потому говорить на другом языке все равно что шептаться у нее за спиной. Все согласны?

– Во всяком случае, это заставит нашу болтушку хоть немного помолчать, по-английски Фелиция изъясняется не очень свободно, – сухо вставил Тревор, посмотрел на Селину и обратился к сестре: – Прекрати дуться, а то ансамбль нарушится.

Селина не смогла удержаться от смеха. Каков разбойник!

Сангрия и мятный джулеп уступили место красному вину. Корзинки хрустящего французского хлеба появились вместе с глубокими чашами, наполненными джамбалайей, супом из креветок со стручками бамии, тушеными с овощами лангустами. В воздухе витали

восхитительно аппетитные, знакомые с детства ароматы. Завязался оживленный застольный разговор, и в комнате сразу стало уютно.

Кэмерон жестом отослал слугу и сам наполнил тарелку Селины. Отломил от еще горячей буханки щедрый кусок, с удовольствием откусил и довольно пробормотал:

– Ничто так не оживляет семейные воспоминания, как настоящая креольская кухня.

Разговоры, смех, стук ложек, ножей и вилок по фарфору не могли отвлечь Селину от навязчивых мыслей. Как похожи между собой кузены, но насколько по-разному держатся! Интересно, а целуются одинаково?

О господи! Откуда это греховное наваждение? Селина подняла бокал в надежде скрыть предательский румянец.

Кэмерон отломил еще один кусок хлеба и, не скрывая прямого взгляда, положил на тарелку даме.

– Собираешься кормить с ладони? – сухо осведомился Тревор.

Селине вдруг захотелось развлечься. Не сводя со своего визави внимательного взгляда, она зачерпнула пряной джамбалайи и медленно, очень медленно поднесла ложку ко рту.

Тревор замер в ожидании. Несмотря на смелую игру, в первый миг от острого вкуса и яркого аромата у Селины закружилась голова. И все же не только он предпочитал темную джамбалайю красной. В этом наваристом супе курица сочеталась с ливерной колбасой и тассо – перченой копченой каджунской свининой, придававшей блюду неповторимый щедрый колорит. Вкус проникал постепенно и нес с собой воспоминания о жизни во французском квартале, согревшие сердце. Селина не смогла противостоять удовольствию и блаженно зажмурилась.

Заметив ее реакцию, Тревор усмехнулся.

Она открыла глаза.

Он демонстративно отломил кусок хлеба, обмакнул в густой суп, а потом склонил голову и ловко, без единой капли, отправил аппетитный ломоть в рот.

– *Voilà comment savourer un plat digne des dieux.* [\[5\]](#)

Сколько раз Селина слышала, как во французском квартале эта традиционная фраза сопровождала креольское или каджунское блюдо! Однако только в исполнении Тревора ритуал отозвался в душе и теле горячей волной откровенного, почти языческого удовольствия.

Что, если те эротические книжки, которые они с Дианой тайком читали в тени старинного дуба, все-таки таили горчичное зерно правды? Странно, но напряжение, тяготившее до этой минуты, внезапно спало, и вечер показался таким, каким и должен был стать: теплым и по-семейному уютным. Селина с улыбкой обратилась к обоим кузенам:

– Как могло случиться, что французский язык Тревора заметно окрашен в колониальные тона, в то время как Кэмерон говорит с явным английским акцентом? Я заметила, что вы оба с легкостью пользуетесь разговорными выражениями, характерными и для Англии, и для Нового Орлеана.

Кэмерон ответил первым.

– Детство мы провели между плантацией и французским кварталом, а потом я уехал учиться в Англию.

– Был вынужден уехать, – вставил Тревор.

– Нас намеренно разлучили, – пояснил Кэмерон. – Одному богу известно, что бы произошло, останься мы...

– Итак, миссис Керкленд, – перебил Майлз, – насколько могу судить, вы подумываете переехать в Сан-Франциско.

Тревор и Кэмерон обменялись многозначительными взглядами и перестали есть. Тревор застыл с куском хлеба в руке.

В следующий миг Кэмерон фамильярно положил руку на спинку соседнего стула и с широкой улыбкой заметил:

– Представьте себе, и я тоже туда собираюсь.

Тревор спрятал улыбку за бокалом вина.

Кэмерон торжественно поднял свой бокал.

– Вот что получаешь, когда ловчишь во время жребия, дорогой кузен. – Он посмотрел на Селину. – Но зачем же переезжать? Разве здесь вас что-то не устраивает?

В разговор вступил Джастин.

– Юстас Морган построил в Сан-Франциско роскошный отель и перевез туда всю семью. – Он помолчал. – Разумеется, вы оба хорошо помните судью Моргана, не так ли?

Тревор и Кэмерон понимающе переглянулись, а Джастин продолжил:

– Селина с детства дружит с его дочерью и получила приглашение переехать к ним, поскольку родственников у нее не осталось. – Он в упор посмотрел на гостью. – Но поскольку здесь, в Карлтон-Оксе, она вольна жить столько, сколько пожелает, надеюсь, что предложение будет отклонено.

Выслушав это высказывание, Кэмерон выпрямился, словно только что получил суровую отповедь, и знаком приказал слуге наполнить бокал.

– На все воля божья. Не в моих правилах ставить под сомнение повороты судьбы. – Он склонился так низко, что усы защекотали ухо, и прошептал: – Все-таки хочется верить, что не побоитесь трудностей путешествия и отправитесь на запад. А пока суд да дело, не согласитесь ли завтра составить мне компанию в верховой прогулке по плантации? Я давно не видел здешних красот.

Несмотря на близость и свежий аромат цитруса, приправленный легкой ноткой мускуса, чувства Селины оставались в безмятежном спокойствии. И в то же время всем своим существом она ощущала жар, исходивший от того, кто сидел напротив, отделенный барьером стола.

– Как вы познакомились с семьей Морган? – поинтересовался Тревор прежде, чем Селина успела ответить на приглашение Кэмерона. – Они ведь жили во французском квартале.

– И я тоже, – просто ответила она.

– Неужели? Но вы не француженка.

Мгновенное смущение сменилось стремлением противостоять обиде и унижению. Какое ей дело, что он подумает о ее происхождении и воспитании?

– Диана тоже не француженка. Но она родилась в богатой семье, а меня воспитала бабушка – модистка, наряжавшая дам высшего света. Вполне возможно, мистер Андруз, что она шила и для вашей матушки. А жили мы в дальней комнатке ее крохотного ателье.

– Ах! – воскликнул Майлз. – Неужели вы говорите о миссис Роджерс?

При одном звуке бабушкиного имени у Селины дрогнуло сердце.

– Именно о ней, мистер Андруз.

– Значит, вы и есть та самая девчушка Роджерс! – уверенно заявил Майлз. – Я вас помню. – Он искренне, тепло улыбнулся. – Поскольку здесь целых шесть мистеров Андрузов,

зовите меня по имени: Майлз.

– В таком случае я – Селина.

– Дарована ли подобная милость всем нам? – уточнил Кэмерон с приторной улыбкой.

Тревор повернулся к отцу и сменил тему.

– Тебе известно, почему Морган все продал и уехал с юга?

Разговор переключился на сложную политическую обстановку. Селина перестала слушать и обратила внимание на Элизабет – болезненно стеснительную, совершенно непривлекательную женщину. И что только Майлз в ней нашел? Тусклые, бесцветные волосы неопрятно выбивались из пучка на затылке. Пальцы, неловко сжимавшие ножку бокала, заметно дрожали. Глаза не поднимались от стола в страхе встретить чей-нибудь прямой взгляд, а щеки пылали при малейшем проявлении внимания.

Бедняжка явно чувствовала себя не в своей тарелке. От жалости и сострадания у Селины сжалось сердце, а спустя секунду пришло понимание: ведь сама она почти не отличается от Элизабет. Скорее всего они выросли в сходных, очень скромных обстоятельствах. Если бы не старания бабушки, поставившей себе целью воспитать внучку в светских традициях, сейчас она тоже сидела бы, стораая от неловкости и смущения. Участь Элизабет не могла не вызвать искреннего сострадания.

Пожалуй, впервые в жизни пришло понимание важности и значения бабушкиного дара. Талантливая, популярная в Новом Орлеане швея, она внимательно наблюдала за образом жизни и манерами лучших домов города, чтобы передать впечатления внучке. Она повторяла для нее лучшие фасоны, а порой даже приносила остатки прекрасных тканей. В результате, когда Селине пришло время вступить в свет, трудностей не возникло – благодаря усилиям бабушки и стремлению Дианы Морган к дружбе.

Краем глаза Селина с огорчением заметила, что, даже беседуя с другими, Тревор постоянно за ней наблюдал. Внимание не только смущало, но и пугало. Если и жил на свете опасный человек, то в эту минуту он сидел напротив. Ничего, скоро она уедет. Жаль только, что Джастин уже запланировал этот злосчастный бал в ее честь, ради которого придется задержаться еще на целый месяц. К счастью, Тревор вернулся домой всего на несколько дней, так что ради Джастина можно потерпеть и даже изобразить радостное предвкушение. Почему бы и нет? Селина подняла глаза, снова наткнулась на пристальный взгляд и, не обращая внимания на гулко бьющееся сердце, заставила себя улыбнуться.

В ответ Тревор улыбнулся точно так же, как во время первой встречи, когда она подглядывала из-за колонны. Джентльмен приподнял бокал, как будто для тоста, и негромко сообщил:

– Ваши глаза уже дважды изменили цвет.

– Простите, что вы сказали?

Тревор перегнулся через стол и четко, хотя и приглушенно, произнес:

– Сказал, что тяжело ранен.

Озадаченная и растерянная, Селина отвернулась и жестом попросила слугу налить вина. Поднесла бокал к губам и осушила сразу наполовину, нервно ощущая обескураживающее внимание к собственной персоне и оттого почти не воспринимая общего разговора. Гул голосов казался смутным шумом. Она внимательно посмотрела в бокал, словно надеялась увидеть на дне хрустальный шар.

Боже милостивый, какой откровенный ответ рождал в глубине существа этот жаркий взгляд! На долю мгновения даже захотелось узнать, каково это – лежать в объятиях красивого

дерзкого мужчины, ощущать рядом сильное обнаженное тело, целовать мягкие чувственные губы. Почему-то возникла уверенность, что спит он полностью раздетым, целует сладко, а ласкает нежно и страстно. Ее щеки вспыхнули румянцем.

Что за глупости! Откуда вдруг явились такие интимные подробности? Она никогда не лежала рядом с мужчиной обнаженной. Они со Стивеном встречались исключительно в скромной ночной одежде, причем обязательно в темноте, а переодевались только в одиночестве. Так и случилось, что после года замужества Селина ни разу не видела мужчину обнаженным. Подумать только! Больше того, ни один мужчина не видел обнаженной ее. И вот теперь пожалуйста: вдова. Мысль показалась настолько абсурдной, что Селина не удержалась от смеха.

Все головы повернулись как по команде.

– Простите, должно быть, выпила лишнего на пустой желудок.

Наверное, и нос покраснел. Она потрогала пальцем кончик и обнаружила, что он занемел. Кэмерон слегка склонился и понимающе сжал руку.

Тревор же с непроницаемым лицом откинулся на спинку стула.

Призывая всех к вниманию, Майлз постучал ложкой по бокалу, а как только воцарилась тишина, объявил, что передает управление пароходным бизнесом Тревору.

– Я не настолько самовлюблен, чтобы не признать, что кто-то другой справляется с делом лучше.

– Хорошо сказано, – заметил Тревор с притворной дерзостью.

Майлз поднял бокал.

– Именно благодаря Тревору в последние два года мы достигли столь значительных финансовых успехов. А я честно признаюсь, что мечтаю жить со своей дорогой Элизабет в доброй старой Англии.

– За ваше здоровье! – провозгласил Джастин, и все дружно подняли бокалы.

Майлз нежно похлопал жену по руке, и та улыбнулась в ответ.

Прозвучали новые тосты, и Селина выпила еще. Так свободно и легко она не чувствовала себя... никогда.

Стараясь перещеголять друг друга, мужчины принялись рассказывать морские истории. Рука Кэмерона так и осталась лежать на спинке стула.

– Как по-вашему, русалки действительно существуют? – поинтересовалась Селина.

– Разумеется, – ответил Тревор, а Кэмерон и Майлз уверенно кивнули в знак согласия.

– И где же их можно найти?

– Они являются сами, когда захотят, – пояснил Кэмерон, моментально включившись в игру. – К тому же увидеть их удастся только вдали от берега.

– Примерно после месяца плавания, – добавил кто-то.

Селина повернулась к Элизабет, которая негромко произнесла слово «моржи».

– Ах, моржи! – рассмеялась она, живо представив истосковавшихся по любви моряков, стоящих на палубе и с вождением наблюдающих за толстым морским животным, представляя при этом изящную таинственную деву. Да, вина сегодня явно оказалось слишком много.

Фелиция обиженно надулась и уставилась в тарелку, плохо понимая, о чем по-английски говорят взрослые и над чем смеются.

Селина взялась передать историю по-французски, однако Тревор строго заметил, что не стоит этого делать: девочка должна учить английский язык.

– Право, Тревор, – возразила Селина, осмелев от вина. – Вы слишком безжалостны к сестре.

Он откинулся на стуле, рискованно приподняв передние ножки и балансируя на задних. Засунул большие пальцы за пояс и взглянул с легким прищуром, как будто пытаясь затянуть в невидимую сеть.

Чувствуя себя попавшей в паутину мухой, Селина уже не могла бороться со странными ощущениями. Головокружение от вина, властное присутствие Тревора отозвались в таинственной глубине существа пульсирующей болью. Собрав остатки сил, она оторвала взгляд от гипнотических глаз и, словно пытаясь найти спасение на дне, сосредоточилась на бокале с вином. Снова захотелось узнать, каково это – лежать рядом с этим человеком. Если бы у нее не было гордости, если бы она не знала, что кончит точно так же, как все его любовницы!

Если бы...

Тревор тем временем беспокойно наблюдал, как пульсирует жилка в мягком углублении у основания шеи, как поднимается и опускается грудь при каждом коротком, мелком дыхании, как вздрагивают ресницы, благоразумно прикрывая опущенные глаза, как блуждает на губах едва уловимая улыбка. В глубине этой таинственной улыбки пряталось понимание его неукротимого вожделения. И когда он получит то, о чем мечтает – а он обязательно получит, – исполнится и ее заветное желание.

Да, Селина обворожила его. И не только своей красотой. Он познал немало прекрасных женщин, но все они бледнели в сравнении со скромной гостьей. Стоило ей войти в столовую, как кровь вскипела. Чтобы скрыть смятение и хотя бы немного совладать с предательской физиологией, пришлось выйти на террасу.

– Дядя, а как поживает Этьен Бодерье? – с невинным видом осведомился Кэмерон.

Услышав имя соседа, Тревор заинтересовался.

– Умер почти полгода назад, – ответил Джастин. – Говорят, сдало сердце. Предоставил вдове распоряжаться хозяйством.

– Вдове? А я и не знал, что он был женат.

– Женился месяца за два до смерти, так что ты и не мог знать. На Жизель Буале.

Кэмерон тихо присвистнул сквозь зубы.

– Кажется, можно понять, что именно прикончило старика.

Тревор усмехнулся.

– Итак, в результате мы имеем вдову Бодерье, не так ли? Бедняжка скорбит на соседней плантации, а я до сих пор не выразил соболезнование. Просто обязан сделать это от имени всей нашей семьи. Как ты думаешь, кузен, завтра будет не слишком рано?

Краем глаза он следил за реакцией Селины. Зачем произносить пошлые слова? Зачем вести себя как озабоченный школьник? Проклятье!

Кэмерон презрительно усмехнулся.

– Вовсе не рано, кузен, вовсе не рано.

Он поднял бокал и насмешливо, понимающе подмигнул.

Селина не без труда преодолела неловкость и повернулась к Кэмерону.

– А вы помните, что пригласили меня на утреннюю прогулку?

– Конечно, моя дорогая, конечно.

Кажется, у него заплетается язык? Вина выпито слишком много – это ясно. Да и посмотреть прямо кузену уже с трудом удастся. Он явно собрался поцеловать прекрасную

соседку прямо за столом, однако сдержал чувства, сумел подавить порыв и отстранился.

Тревога захлестнула ледяная волна.

— Как я могу помнить? То есть, как могу забыть? — Кэмерон взял себя в руки и улыбнулся.

Селина тихо засмеялась.

Тревор больше не мог выносить мучительную пытку. Он встал и резко отодвинул стул.

— Если позволите, немного пройду перед сном. Уже почти полночь, а день выдался долгим.

Селина стояла перед камином, ожидая, пока Мари разденет ее и накинёт тонкую ночную сорочку. Прохладный батист легко скользнул по груди; тело пронзила молния, соски мгновенно затвердели. Пришлось отвернуться, чтобы все понимающая горничная не заметила лишнего.

– Брось мои вещи на подоконник до утра и ложись. Уже поздно.

– Чтобы память это чудо? – С платьем в руках Мари направилась в гардеробную. – Сейчас уберу и займусь вашими волосами.

Селина вздохнула, присела к туалетному столу и принялась вытаскивать шпильки.

– Справлюсь сама.

Ах, до чего же хотелось обсудить вдову Бодерье с Мари, которая, казалось, знала обо всем, что происходит на левом берегу Миссисипи. Но только не сейчас, едва вернувшись из столовой. Придется дожидаться подходящего момента.

– За обедом не все прошло гладко, мадам? – донесся из гардеробной сочувственный голос.

Неужели от нее ничего невозможно скрыть?

– Было вполне прилично. Даже лучше, чем я ожидала. Вот только выпила слишком много вина и почти ничего не съела.

– Это легко исправить. Сейчас принесу...

– Нет-нет, спасибо. Ничего не нужно. Больше всего на свете хочу лечь спать. Утром буду в полном порядке.

– Уверены? – Мари появилась из гардеробной с пеньюаром персикового цвета в руках, подошла к туалетному столику и набросила его госпоже на плечи.

– Сейчас лягу, так что одежда вряд ли понадобится. – Селина провела расческой по волосам.

Тыльной стороной ладони Мари коснулась лба Селины.

Та закатила глаза:

– О, только не обращай со мной как с ребенком!

Горничная улыбнулась.

– Даже если ведете себя по-детски? Во всяком случае, вино поможет уснуть. Спокойной ночи, мадам. – Она вышла и тихо закрыла за собой дверь.

Селина повесила пеньюар на спинку кровати и залезла под одеяло. Свернувшись калачиком, посмотрела на пылающий в камине огонь. Скоро потеплеет, топить перестанут, и тогда придется засыпать в темноте. Темноты она боялась с тех пор, как очнулась под перевернутой разбитой повозкой рядом с мертвым мужем, а ночь провела в ледяной реке, забитой обломками моста и кишасей водяными змеями.

Селина вздрогнула и с облегчением подумала, что до наступления жары уже уедет в Сан-Франциско. Диана писала, что там круглый год прохладно.

Вдруг вспомнился Тревор, а вместе с мыслью о нем пришло беспокойство. Проклятье!

Селина ворочалась, пока простыни окончательно не сбились. Раздраженно откинув мятый ком, нервно встала и принялась ходить по комнате, пытаясь унять тупую боль в висках. Ненадолго присела в кресло, а потом снова начала мерить шагами комнату.

В желудке образовалась нудная, тянущая пустота. Чувство голода разбушевалось не на

шутку. Она взяла со спинки кровати пеньюар, надела, бесшумно выскользнула из комнаты, спустилась по лестнице и через черный ход шмыгнула во двор.

Дом уже погрузился в темноту, но в кухне, как всегда, кипела работа. Селина прошла по залитой светом каменистой дорожке, зацепившись за колючий куст и что-то недовольно буркнув под нос.

Золя, конечно, отчитает за беготню босиком, но ничуть не удивится внезапному появлению: немало ночей Селина провела, сидя на низкой скамеечке перед одной из двух печей, расположенных в дальних концах кухни. Золя пекла хлеб и терпеливо слушала бесконечные жалобы. Постепенно кошмары отступили, и вернулась способность спать, пусть и плохо. Но вот страх перед грозой никак не проходил: должно быть, до конца дней каждый удар грома будет вызывать ужас.

Первое время в грозовые ночи Мари дремала в кресле возле постели госпожи, а потом Селина научилась переживать страх в кухне, возле печки.

– Золя? – негромко окликнула она, переступила порог и сразу ощутила теплый дрожжевой аромат свежего хлеба.

В обоих очагах жарко пылал огонь, перед одним из них стоял стул. Поварихи не было видно, но уйти далеко она не могла.

Селина подошла к столу, где рядами лежали только что вынутые из печи ароматные буханки. Да, вот чего ей хотелось – горячего хлеба с маслом и джемом!

– Золя, где ты?

Зная, что запасы хранятся в кладовке, Селина отправилась на поиски. Встала на цыпочки, пошарила на верхней полке и вдруг услышала легкий шорох. В комнате кто-то был, и безошибочная интуиция подсказала, кто именно.

Господи, дай силы!

Она ощутила близкое присутствие, жар сильного тела; вдохнула уже знакомый волнующий аромат. Его руки взметнулись у нее над головой и придвинули банку к краю полки.

– Кажется, вы это искали? – прозвучал возле уха тихий бархатный голос.

Застыв с поднятыми руками, Селина замерла в поисках ответа, но так и не нашла подходящих слов: горячее прикосновение пронзило насквозь.

Ее дыхание сбилось.

Крепко сжав запястья, Тревор повернул пленницу к себе лицом. Селина попыталась отступить, но не смогла сделать ни шагу – помешали полки, – а он стоял так близко, что едва не касался ее всем телом.

Внезапно Селину охватило острое желание. Она посмотрела в скрытое полумраком лицо – такое близкое, что дыхание согревало щеку.

– Оставьте меня в покое, Тревор.

Глаза его мерцали, как мерцают на черном бархате бриллианты.

– Действительно ли хотите спокойствия, Селина? Или мечтаете обо мне так же, как я о вас?

Он медленно склонился. Густые ресницы опустились, рот приоткрылся. Намерения не оставляли сомнений.

Боже милостивый!

Селина до боли сомкнула губы, чтобы он наткнулся на твердый барьер, однако уже в следующее мгновение ощутила нежное прикосновение и передумала.

Тревор провел губами по щеке: неспешно, соблазнительно проложил дорожку из поцелуев к подбородку.

– Вот как это будет, – тихо прошептал он.

Тревор коснулся зубами мочки уха: бережно, осторожно, – однако реакция Селины не заставила себя ждать и вспыхнула подобно пламени.

Неведомое прежде, дикое, первобытное вожделение поработило и лишило сопротивления. Мгновенное напряжение сменилось дрожью.

Он излучал спокойную силу, сопротивляться которой было бесполезно. Любая борьба стала бы нелепой и жалкой.

Селина прикрыла глаза, чтобы подумать, однако собраться с мыслями так и не удалось. О, в этой битве силы противников оказались неравны! Только в припадке безумия можно было надеяться на победу. Паника лишила последних остатков воли.

Его губы скользнули по плечу и замерли в ложбинке у шеи. Нужно было немедленно его остановить, но мешало оцепенение. Неужели и ей доступна частица высшего наслаждения, так красиво описанного в эротических книгах?

Они стояли неподвижно. Жадные губы застыли на шее, обжигая и в то же время лаская. Воздух вокруг раскалился от страсти.

Битва безнадежно проиграна.

Губы двинулись вверх, оставляя на коже горячий след.

– Вы пахнете так сладко, так заманчиво. – Он поцеловал ее в висок, в беспомощно опущенные веки. Сжал запястья одной рукой, легко поднял их над головой, а другой рукой погладил по волосам. Нежно провел большим пальцем по щеке и завел ладонь за ухо.

Селина стояла неподвижно, в последний раз пытаясь собраться с силами и решительно отвергнуть ласки, однако огонь разгорался и справиться с вожделением становилось все труднее.

Тревор бережно приподнял ее лицо за подбородок и склонился. Теперь уже его губы не встретили сопротивления и властно завладели теплым ртом Селины. На миг в мире не осталось ничего другого, кроме этих губ.

Ладонь скользнула вниз, к поясу на пеньюаре, и коснулась груди. О, если бы это продолжалось вечно!

Вершинки напряглись, а глубоко внутри возникла странная тоскующая пустота. Изнывая от желания, Селина тихо застонала.

Пеньюар распахнулся.

Ладонь по-хозяйски устроилась в изгибе талии, а пальцы распластались на животе – такие горячие, что, казалось, тонкая ткань ночной сорочки того и гляди расплавится. Селина уперлась затылком в поддерживавшую полки вертикальную панель, не сознавая, что открыла шею, и тут же ощутила теплое влажное прикосновение.

Тревор посмотрел внимательно, как будто хотел запомнить увиденное раз и навсегда.

– Вы так прекрасны, Селина, – прошептал он, положив ладонь ей на поясницу. Медленно подался вперед, заставляя ощутить мужественное возбуждение.

Его губы снова завладели ее ртом, и язык принялся дерзко исследовать территорию.

Селина обняла его за шею и страстно ответила на поцелуй. Да, сейчас она могла окончательно потерять себя, но еще ни разу в жизни не переживала мгновения более сладостного.

Тревор слегка отстранился.

И вдруг улыбнулся. В глазах вспыхнула радость победы.

Шок, унижение, разочарование обдали ее ледяным потоком. О нет! Неужели для него это только легкая игра? Негодяй! Подлец!

Селина подняла лицо, как будто хотела поцеловать, но едва губы коснулись губ, больно укусила.

Тревор отскочил и прикрыл рот ладонью. Выражение страсти на его лице сменилось растерянностью.

– Что это было?

– Если еще раз осмелитесь ко мне прикоснуться, клянусь: кастрирую на месте. – Селина запахла пеньюар и туго завязала пояс. – Убирайтесь немедленно!

– Что за шум? – На пороге появилась Золя. Остановилась у входа, нахмурилась и сердито посмотрела вокруг. – Ну-ка пропустите! – Она подошла, сняла с полки банку с джемом и поставила на стол.

– А теперь оба садитесь. – Кухарка подвинула к очагу еще один стул. – Если собираетесь жить в одном доме, придется научиться ладить. Слышите?

Золя посмотрела на Тревора, заметила распухшую губу и снова нахмурилась. Со стуком поставила на стол две тарелки и отрезала от буханки два толстых ломтя.

Повариха положила хлеб на тарелки и с ворчанием открыла банку с джемом.

– Видит бог, нельзя оставаться под одной крышей и драться. Ну-ка попробуйте мой хлеб. Только что испекла. – Она щедро намазала ломти маслом, джемом и поставила тарелки каждому. А потом нагнулась и сунула обоим под ноги одну скамейку. – Ну и ну! Так ты босиком, девочка? Смотри, змея укусит.

– Уже укусила, – пробормотала Селина.

Тревор осторожно потрогал губу.

– И меня тоже.

Повариха наклонилась и посмотрела внимательно.

– И поделом. Ишь каков озорник!

Она вернулась к столу, и Тревор почувствовал себя увереннее.

– Отлично понимаю, к чему ты клонишь, Золя. Поймала и теперь собираешься свалить на меня всю вину. – Он запрокинул голову на высокую спинку стула.

Селина сидела молча и неподвижно смотрела на огонь, чувствуя, что Тревор неотрывно наблюдает. Повернулась, смерила наглеца презрительным взглядом и снова погрузилась в безразличное созерцание пламени.

Тревор рассмеялся так же легко, как в тот момент, когда, едва приехав домой, подхватил и закружил Фелицию.

– Да, миссис Керкленд, в пылости вам не откажешь. – Он открыто, дерзко посмотрел на нее.

Селина сидела, устремив взгляд на танцующие всполохи, но никак не могла избавиться от ощущения властного присутствия. И от всего, что недавно произошло. Постепенно боковое зрение возобладало, и огонь утратил четкость. Сидевший рядом мужчина неумолимо притягивал; приходилось изо всех сил сдерживаться, чтобы не взглянуть на него.

И все-таки самообладания не хватило.

Слегка повернув голову, Селина хотела сосредоточиться на скамеечке для ног, однако глаза сами собой скользнули вверх по скрещенным ногам, добрались до мускулистых бедер и замерли на красноречивом свидетельстве мужской силы, несколько минут назад лишившем

ее гордости и самообладания. Подобное зрелище должно было показаться неприличным, но вместо добродетельного смущения почему-то возникло греховное желание положить ладонь на соблазнительный бугор. Это совершенное тело казалось произведением искусства.

– Леди желает чего-то еще? – тихо поинтересовался Тревор. – Может быть, десерта?

Селина вспыхнула: ее нескромный взгляд не остался незамеченным.

Нет, все это нестерпимо!

Она встала, собралась с духом и бросила на обидчика последний, убийственно презрительный взгляд.

– Немного погуляю и вернусь в свою комнату, – сообщила она поварихе и направилась к двери. – Здесь слишком душно.

– Что значит «в свою комнату?» – окликнул Тревор, но ответа так и не получил.

Не успела Селина выйти, как Золя разошлась не на шутку.

– Даже не думайте об этой девочке!

Разве она не понимала, что «девочка» все слышит? Ради бога! И все же Селина замерла в темноте.

– Она совсем не такая, как те никчемные женщины, с которыми вы якшаетесь. Если тронете ее хотя бы пальцем, отец живьем с вас шкуру сдерет!

Селина услышала тихий смех. Смущенная, растерянная, все еще дрожа от волнения, пошла по дорожке среди ночного благоухания цветов.

Что же произошло? До сих пор Карлтон-Окс радовал покоем и безмятежностью... и вот появился этот негодяй. Она присела на скамейку и провела в неподвижности несколько часов – пока на горизонте между деревьями не показалось солнце, – только тогда встала и вернулась к себе. В камине по-прежнему горел огонь. Селина надеялась, что Мари не проснется, однако та безошибочно чувствовала, когда госпожа не спала, а бродила в неурочный час. Утром, когда горничная принесет завтрак, надо будет поблагодарить за заботу.

Селина сняла пеньюар, бросила на пол возле кровати и раздвинула москитную сетку. На подушке лежала роза, а под ней записка: «Dormez bien, mon amour»^[6].

Под коротким посланием красовалась размашистая подпись: «Тревор Андруз».

Селина взглянула на камин, на аккуратно застеленную кровать с гостеприимно завернутым уголком одеяла. Значит, все это его работа, а не дело рук Мари. Тяжело, грустно вздохнув, подошла к двери и повернула ключ в замке. Не выпуская из руки записки, устало опустилась в кресло и рассеянно посмотрела в огонь.

Она была готова отдаться Тревору – просто и без затей. Неужели вождение способно безнадежно лишить разума, заставить сползти на пол в объятиях едва знакомого человека, внезапно превратиться в блудницу – и все ради примитивного удовольствия прикасаться и испытывать ласки, обладать и принадлежать?

Прежде казалось, что желание рождалось во время чтения эротических книг, но сейчас выяснилось, что это были лишь бесплотные мечты. А теперь стало ясно, в чем заключается истинная фантазия: в надежде сохранить самообладание рядом с таким мужчиной, как Тревор Андруз.

Какой неожиданный поворот сюжета!

Если, наблюдая, как он выходит из экипажа, Селина испытала потрясение, то сейчас пережила разрушительное опустошение. При первом же прикосновении реальность растворилась, а сама она рассыпалась на мелкие кусочки. Что бы произошло, не приди она в

себя в последнюю минуту? Тревор жил в непостижимо далеком мире и лишь на миг залетел в ее пространство. Какой жертвы потребовало бы краткое блаженство? Лучше не думать: есть на свете вопросы, которые надежнее оставить без ответа.

Но что же делать завтра? Как вести себя, если он снова проявит непозволительное внимание? Вполне возможно, это очень скоро случится.

Искушение.

И сладкий обман.

Сегодняшняя ночь не должна повториться – никогда и ни за что. Ах если бы можно было раствориться в воздухе и незаметно перенестись на ближайший корабль, уходящий в Сан-Франциско! Увы, чудес не бывает. Зато можно показать, что Тревор совсем ее не интересуется. Ни капельки. Для этого достаточно с утра пораньше отыскать Кэмерона, напомнить о запланированной прогулке и провести день вдали от дома.

Селина беспомощно сложила руки на коленях и посмотрела вокруг. Все в комнате напоминало о Треворе: роза, записка, убранная постель, огонь в камине. Он позаботился, сделал все это для нее.

На глаза навернулись слезы.

Меньше всего сейчас нужна забота самого опасного на свете человека.

Селина легко скользнула с седла в поднятые руки Кэмерона. Он бережно поставил ее на землю, подождал, пока спутница расправит юбки, и только после этого галантно предложил руку. Хорошо, что они встретились за завтраком, пока Тревор еще спал. На краю обширной плантации, вдалеке от домашней суеты, вернулась способность рассуждать здраво. Здесь, среди старинных дубов, в тишине и покое, Тревога почти не существовало.

– Пойдемте, – пригласил Кэмерон. – Хочу показать чудесное дерево, которое обожал в детстве.

Селина положила ладонь на рукав и послушно пошла прочь от тропинки.

– Как вам удалось отыскать это место? Неужели знаете Карлтон-Окс вдоль и поперек? Наверное, проводили здесь много времени?

Кэмерон улыбнулся.

– Так и есть. Благодаря крепким семейным связям. Наши с Тревором матери были родными сестрами, а отцы, как вам уже известно, до сих пор остаются родными братьями.

– Теперь понятно, почему вы так похожи. Тревор намного старше?

– На два года. Почти всю жизнь мы с ним неразлучны. Ну вот, пришли. Что скажете?

Огромный древний дуб раскинул к небу мощные узловатые ветви, отбрасывая вокруг густую тень. Сквозь плотную листву пробивались редкие, слабые солнечные лучи. Ствол скрывался за толстым слоем седого мха.

– Невероятно! Никогда не видела подобного великолепия. Подумать только: ведь вы выросли вместе с ним. – Селина улыбнулась. Стоило ли сомневаться, что Тревор тоже здесь играл?

Толстая ветка причудливо склонилась к земле и снова поднялась – как будто специально для того, чтобы получилась просторная скамья.

– Здесь мы часто прятались, затеявая новые проделки, и подкреплялись тем, что удалось стащить в кухне. Прошу, присаживайтесь.

Селина удобно устроилась, прислонившись спиной к вертикальному побегу. Кэмерон поставил на ветку согнутую ногу и положил руку на колено.

– Удобно?

– Очень. – Селина улыбнулась: Кэмерон оказался человеком очень легким в общении, добрым и располагающим – совсем как Джастин.

– Интересно. Вы с Тревором так крепко дружили. Почему же учиться в Англию отправили вас одного?

– Отцы решили, что пришло время нас разделить.

– Да, я уже слышала об этом за обедом. – Селина не осмеливалась спросить почему, но надеялась, что Кэмерон объяснит сам.

Он провел пальцем по усам, как будто хотел пригладить и без того безупречную полоску.

– Наши мамы умерли с разницей в два года, месяц в месяц. Нам с Тревором было по пятнадцать лет. Осиротев, он пустился во все тяжкие, и я занялся тем же самым. Вдвоем мы едва не перевернули вверх дном весь Новый Орлеан.

– Простите, мне не следовало спрашивать...

Кэмерон жестом прервал извинения.

– Дело в том, что мы прекрасно проводили время, пока окончательно не вышли из-под

контроля.

– Хотите сказать, что вели себя чересчур вольно?

Кэмерон пожал плечами.

– Устраивали отвратительные драки. – Он улыбнулся. – Помимо прочего.

– Прочего?

Он рассмеялся.

– Достаточно сказать, что мы... безудержно воздавали дань Дионису и Венере. В конце концов, дошли до того, что после нашего посещения заведению мадам Олимпии потребовался серьезный ремонт.

Селина в ужасе прикрыла руками рот. Все в округе знали, что происходит в клубе для джентльменов.

– О боже! Неужели мадам принимала даже юношей?

Кэмерон посмотрел с нескрываемой обидой.

– Та ночь, о которой я говорю, случилась в мой семнадцатый день рождения. Поверьте, в этом возрасте я выглядел совершенно взрослым мужчиной – во всяком случае в собственных глазах, – но, несмотря на самомнение, прежде чем успел понять, что произошло, оказался на корабле семейной фирмы, поспешно взявшем курс на Англию.

– И после этого встретились с Тревором только два года назад? Но ведь вы были так близки!

Кэмерон пожал плечами, поднял с земли упавший с дуба листок и тут же его отбросил.

– Скажите правду, – попросила Селина.

Он посмотрел с особым вниманием.

– Через два месяца учебы я тяжело заболел. Доктора пришли к выводу, что смерть матери и разлука с семьей оказались слишком большим испытанием. А потому мой отец, родившийся и выросший в Англии, приехал ко мне и привез с собой Тревора.

Он усмехнулся.

– Однако кузен задержался в Лондоне лишь на несколько недель, а потом отец отправил его обратно в Новый Орлеан.

– О, в таком случае, когда кузен наконец вернулся в Англию окончательно, вы, должно быть, взяли реванш за упущенное время.

Кэмерон развел руками.

– Видите ли, уже спустя месяц парижане отобрали у нас ключи от города, а вся Италия категорически отказалась иметь с нами дело. – Он пожал плечами.

– Полагаю, если бы не богатство, которое наша компания принесла в некоторые выгодно расположенные азиатские страны, восточные порты тоже расторгли бы договоры.

– Тем не менее вы вполне уверены в собственной непогрешимости.

Кэмерон промолчал, однако глаза его искрились лукавством.

Селина улыбнулась.

– Вы хороший человек, сэр. Когда решите остепениться, любая леди с радостью примет ваше предложение.

Кэмерон склонился ближе и взял ее за руку.

– В таком случае, Селина, как можно скорее выходите замуж за меня. Вместе будем плавать по всему миру. Мое богатство станет вашим, а мои желания окажутся в вашей власти.

Он на миг задумался.

– Или это ваши желания окажутся в моей власти? В общем, как-то так.

Селина негромко рассмеялась.

– Право, Кэмерон, вы же познакомились со мной только вчера.

– Ну и что? – Джентльмен игриво подмигнул. – Только подумайте, как интересно будет узнать друг друга! – Он легко, с изяществом истинного денди поцеловал ее в лоб.

– Мило. Необычайно мило, кузен, – сухо произнес Тревор.

Селина резко вскочила и обернулась.

– Как, скажите на милость, вы нас нашли?

При виде великолепного всадника на прекрасном коне сердце беспомощно забилося. Она давно обратила внимание на этого жеребца фризской породы. Главный конюх объяснил, что имя красавца – Пантер. Черный как смоль, с густой волнистой гривой, спускавшейся почти до колен, он поражал воображение. Даже конь у Тренора выглядел фантастически. Сам он сидел со скучающим видом, закинув ногу на луку седла, однако в темных глазах сверкал гнев.

Кэмерон поднял голову и невозмутимо посмотрел на кузена.

– Доброе утро, старина. Не слышал, как ты подъехал: был очень занят. Возвращаешься домой от вдовы Бодерье?

Тревор неопределенно хмыкнул и соскочил с коня с той же легкостью, с какой вчера вышел из экипажа. Он снял сюртук и перекинул через седло, оставшись в белой рубашке с распахнутым воротом и в заправленных в сапоги желтовато-коричневых бриджах. Селина успела заметить, что из кармана сюртука торчит белый шейный платок.

А где же жилет? Этот человек даже не счел нужным прилично одеться!

Но еще больше, чем небрежность Тренора Андруза, возмутила реакция собственного тела на его рельефно проступающую под рубашкой мускулатуру, не говоря уже о том, что скрывалось под обтягивающими бриджами. Кровь молотом стучала в висках. Селина не понимала, чем именно вызвана внезапная буря чувств: то ли неотразимой мужской привлекательностью, не оставлявшей шанса на сопротивление, то ли пониманием, откуда именно он возвращается. Трудно было сдержать разгоряченное воображение и не представить его в страстных объятиях неведомой, но уже ненавистной мадам Бодерье.

Невыносимо неприлично!

Кэмерон выпрямился, переступил через ветку и встал лицом к Тревору. Селина предпочла обойти кругом, стараясь держаться ближе к Кэмерону. Впрочем, легче от этого все равно не стало. Проклятье!

Тревор сел на траву, положил руку на согнутое колено и принялся беспечно жевать травинку.

Кэмерон заговорил с подчеркнутым британским акцентом:

– Послушайте, Селина, не иначе как парень собрался грубо навязать нам свое общество.

– Всего лишь приглядываю за тобой, Кэм. – Тревор посмотрел на даму. – Вас никто не предупреждал, что у него ужасная репутация? Не советую оставаться наедине.

Селина сжала губы. Можно подумать, что перед ней сидит ангел. Не он ли ночью прижимал ее к стенке? Тревор медленно оглядел ее с ног до головы. Что и говорить, даже рыболовный крючок не смог бы подцепить надежнее этого похотливого взгляда.

В глубине ее существа шевельнулось что-то новое, запретное. Откуда эти непослушные, неподвластные разуму ощущения?

Селина готова была поклясться, что услышала легкий смешок. Если бы только смятение не проявлялось внешне!

В эту минуту она ощущала себя глупой школьницей. Но, с другой стороны, школьницы не теряют сознания от одного лишь взгляда на мужчину. Проклятье, он только что встречался с другой женщиной. Наверное, если подойти ближе, можно будет почувствовать ее духи. И его характерный мускусный аромат. Во рту сразу пересохло, а внутри все похолодело.

Тревор перевел взгляд на Кэмерона.

– Кстати, кузен, неужели у тебя нет занятия лучше, чем сидеть на ветке?

– Например?

– Например, можно поработать.

– О, упаси боже! Ты же знаешь поговорку: работа дураков любит.

Оба рассмеялись.

Селина сидела молча, чувствуя себя чужой в шутливой перепалке родных людей. К тому же никак не удавалось стряхнуть болезненное сознание недавней встречи Тревор с мадам Бодерье. Воображение послушно рисовало картины, от которых настроение окончательно портилось.

– А ты недолго пробыл на плантации Бодерье, Трев, – не удержался от ехидного замечания Кэмерон. – Что случилось? Неужели кто-то опередил?

– Приехал ее адвокат. Придется засвидетельствовать... хм... почтение в другой раз.

Сердце Селины вздрогнуло. И как раз в этот момент в кустах послышался шорох.

– Тише! Там кролик!

Зверек исчез так же стремительно, как появился. Она взглянула на мужчин, чтобы узнать, разделяют ли они ее интерес, и увидела, что Тревор смотрит на нее с таким вниманием, словно думает о чем-то важном и в то же время тайном. На губах застыла едва заметная рассеянная улыбка.

Он думал о прошедшей ночи – совершенно точно.

Что ж, придется игнорировать и его самого, и его тайные послания. Проведя в размышлениях несколько бессонных часов, Селина решила сделать вид, что в кухне ничего не произошло, и постараться сохранить контроль над ситуацией. И все же один лишь взгляд темных глаз рождал головокружение.

Тревор лег на траву, скрестил ладони под головой и вытянул длинные ноги. Мужественное тело распростерлось во всем своем неопровержимом великолепии. Да, сложение и вправду безупречно. Греховное вождение грозило прорваться сквозь возводимую годами стену добродетели.

Он понимающе улыбнулся.

Все, хватит опасных игр! Селина была готова вскочить на лошадь и спастись бегством от обоих кузенов. Впрочем, нет: только от одного из них. Она встала с ветки и решительно отряхнула юбку.

– Пора возвращаться, Кэмерон. Мне необходимо встретиться с Джастином и обсудить приглашение поселиться в Сан-Франциско.

Повод явился сам собой и очень кстати. Да, Селина действительно собиралась поговорить с благодетелем об отъезде из Карлтон-Окс, однако еще недавно особой спешки не ощущала.

Кэмерон поднялся, однако Тревор опередил и первым оказался возле ее лошади.

– Позвольте, помогу сесть в седло.

Отказаться без того, чтобы не выглядеть грубой, было невозможно. Селина встала на услужливо сложенные ладони, уперлась рукой в подставленное плечо. Даже этого

прикосновения оказалось достаточно, чтобы пульс участился.

Увидев, что Кэмерон уже сидит верхом, готовый тронуться в путь, она едва не рассмеялась.

– Прости, старина, – насмешливо заметил тот, оттесняя назойливого кузена.

Тревор что-то невнятно проворчал и с недовольным видом направился к своему жеребцу. Компания свернула на узкую дорогу, и Тревору пришлось ехать третьим лишним – вслед за Кэмероном и Селиной.

Джастин молча протянул Селине розовую камелию и пошел дальше по садовой дорожке. Он ни словом не обмолвился о своих чувствах, однако печально опущенные уголки губ выдали его.

Так хотелось услышать хоть что-нибудь!

Напряженная тишина угнетала. Душный аромат цветов с каждой секундой становился все тяжелее, затрудняя дыхание.

– Джастин, пожалуйста...

Мистер Андруз нахмурился.

– Но почему же сейчас, Селина? Я надеялся, что подождете еще год, а может быть, и вообще никуда не поедете, однако вчера за обедом понял, что вы всерьез решили не затягивать. Признайтесь: дело в Треворе?

– И да и нет. – Селина решила говорить как можно откровеннее. Мистер Андруз достоин знать правду. – Элизабет, Майлз, Кэмерон, Тревор – какая разница, кто из них повлиял на мое решение? Главное в том, что все это время я жила тихо и медленно выздоравливала. Безмерно благодарна вам за заботу и за покой. Но вечно так продолжаться не может. Не исключено, что появление новых людей ускорило мое пробуждение, но ведь мы оба с самого начала знали, что рано или поздно я уеду.

Она положила ладонь на рукав сюртука.

– Мне необходимо найти свое место в мире, Джастин. Жизнь здесь лишь продлит... спячку. Я и дальше буду прятаться, трусливо скрываться от всего. Интуиция подсказывает, что пришло время двигаться дальше.

Она взяла благодетеля за руку.

– Умоляю, постарайтесь понять. И не делайте отъезд еще более трудным и болезненным.

– Все понимаю, дорогая. Даже больше, чем предполагаете. Проблема в том, что эгоистичный старик боится вас потерять. Да, я уже привык считать вас членом семьи. Вы заменили мне старшую дочь, умершую от гриппа еще в детстве.

– И все же я должна уехать.

– Знаю.

В глазах у обоих заблестели слезы, и рука об руку они медленно пошли по дорожке.

Внезапно Селина почувствовала пристальный взгляд. Она подняла голову и посмотрела на галерею второго этажа. В густой тени, прислонившись спиной к стене, стоял Тревор и внимательно наблюдал.

Почему-то стало не по себе.

– Не возражаете, если вернемся в дом?

Джастин хлопнул ее по руке.

– Ничуть. Больше того: хочу пригласить вас в кабинет и кое-что обсудить.

В кабинете хозяин снял с полки толстую тетрадь и кивнул на стоящее перед столом

кожаное кресло.

– Прошу, присядьте.

В тишине, нарушаемой лишь мерным тиканьем часов, Джастин медленно листал страницы.

– Корабль нашей компании выходит из Нового Орлеана в Сан-Франциско через шесть недель. Может быть, порадуете старика и согласитесь отправиться на нем? – Он улыбнулся. – Когда придет время, сам отвезу вас в порт.

О боже! Неужели еще целых шесть недель?

– Конечно, – кивнула Селина, с трудом представляя, как сможет противостоять настойчивому вниманию Тревора. Сколько времени собираются провести в Карлтон-Оксе эти несносные кузены? Спросить она не осмелилась.

Пришла мысль предложить Джастину уехать в Новый Орлеан сейчас же – якобы для того, чтобы проститься с городом детства перед окончательным расставанием. Но ведь Тревор и Кэмерон обязательно отправятся следом и наверняка поселятся в семейном доме, куда, разумеется, Джастин привезет и ее. Что же делать?

Несмотря на собравшиеся к вечеру темные тучи, настроение было отличным: планировалась семейная поездка вверх по реке, на плантацию Веррет, где гостей ожидали на бал. Селина не могла припомнить, когда еще испытывала подобное радостное возбуждение.

Сгорая от нетерпения, она сидела за туалетным столиком, пока Мари занималась прической. Собравшись с духом и стараясь говорить небрежно, попросила:

– Расскажи о вдове Бодерье.

– О, это та еще женщина, доложу вам, – пробормотала Мари, сжимая губами шпильки, и посмотрела на госпожу в зеркало, не в силах сдержать улыбку. – Больше чем в два раза моложе покойного супруга, мистера Бодерье.

Она подобрала последний локон, нашла ему должное место в прическе, закрепила, вытащила изо рта оставшиеся шпильки и уже внятно произнесла:

– Теперь займемся платьем.

Селина встала, подошла к большому зеркалу и скинула пеньюар.

– Если хотите знать мое мнение, – продолжила Мари начатый разговор, – то ей нужны были его деньги, а вовсе не он сам. Не очень-то она печалится сейчас, после его смерти. Да-да. Не успели похоронить беднягу, как она бросилась тратить состояние направо и налево.

– А она хороша собой?

– Ну-у... – с явным удовольствием протянула Мари, словно стараясь продлить вкус. – На мой взгляд, вполне симпатичная дамочка. Жаль только, что знает это, а потому не может произвести того впечатления, к которому стремится. Да и одевается совсем иначе, чем пристало вдове. Даже на похороны явилась с таким глубоким декольте, что при каждом наклоне можно было рассмотреть туфли. А наклонялась она в тот день не один раз.

Мари улыбнулась, а потом рассмеялась.

Ах, Селина не должна была смеяться вместе с Мари, но все же не смогла удержаться и тоже расхохоталась.

– Ты там была?

Блестя глазами и сияя белозубой улыбкой, Мари кивнула.

– Стойте смирно, мадам. Не крутитесь, а то не затяну тесемки на корсете. Поверьте: знаю, о чем говорю, потому что все мы ходили на похороны. Только Золя оставалась готовить для поминок. Мадам Бодерье все время лила слезы, а мужчины ее обнимали и уговаривали: «Ну-ну, не надо так плакать». И старались заглянуть в декольте... – Мари лукаво подмигнула, – чтобы посмотреть на туфли.

Селина снова засмеялась.

– Значит, она очень хорошенькая.

Мари подала платье.

– Хорошенькая, ничего не скажешь. Да и сложена недурно. Вот только выражение лица все портит.

– И что же это за выражение?

– Как будто только и ждет, когда что-нибудь воткнется между ног.

От внезапной грубой откровенности Селина на миг оторопела.

– Мари!

И тут же принялась неудержимо хохотать.

– Но до вашей красоты ей очень далеко, мадам.

Горничная расправила пышные рукава, показывая, что туалет завершен.

– Ну вот. Восхитительно.

– Спасибо за комплимент, Мари, вот только вряд ли я способна кого-то восхитить.

– Еще как! Посмотрите в зеркало.

Селина подошла ближе и остановилась, внимательно изучая темно-бирюзовое муаровое платье с прямоугольным вырезом – таким глубоким, что вряд ли удалось бы наклониться, не продемонстрировав окружающим туфли. Корсаж плотно облегал фигуру до талии и переходил в пышную юбку. В собранных на затылке локонах мерцала нитка жемчуга.

– О, платье и вправду чудесное.

В дверь постучали. Мари открыла, и в комнату заглянул Линдзи.

– О, ты просто... просто потрясающая, – пролепетал он, краснея.

Селина важно взяла мальчика под руку и попрощалась с горничной.

Внизу ждал Кэмерон.

– Мне предстоит сопровождать кузину, в то время как Линдзи получил вас? Несправедливо!

Селина спустилась по лестнице и протянула затянутую в перчатку руку для светского поцелуя.

– Мадам, позвольте хотя бы ехать в одном с вами экипаже?

– Разумеется, – с улыбкой ответила Селина. – Удивляюсь, как до сих пор мне удавалось обходиться без вашего приятного общества.

Обжигая взглядом, подошел Тревор.

– Вы прелестны, Селина. Платье оттеняет необыкновенный цвет глаз.

Кэмерон с интересом посмотрел сначала на платье, а потом в глаза. Вопросительно приподнял бровь в сторону кузена, однако от комментария воздержался.

Перед особняком стояли наготове два закрытых экипажа. Джастин помог Фелиции и Селине подняться в первый и перешел ко второму.

Девочка тут же начала что-то оживленно рассказывать. Селина наклонилась и прошептала:

– Не забывай, что хорошо воспитанные юные леди не позволяют себе слишком много болтать.

Джастин нередко жаловался, что в шестнадцать лет дочка и выглядит, и ведет себя как двенадцатилетняя; порой казалось, что он прав.

Тревор легко, с кошачьей грацией скользнул на сиденье рядом с Селиной.

Голова мгновенно закружилась.

– Разве это место не предназначено Линдзи?

Тревор подвинулся глубже, чтобы широкие плечи не занимали слишком много места.

– Линдзи соскучился по папе. – С этими словами хитрец положил руку на спинку дивана и, внимательно разглядывая спутницу, принялся легко поглаживать обнаженное плечо.

Несмотря на явственно ощутимый жар мужественного тела, Селина задрожала.

Появился Кэмерон и сел рядом с Фелицией, смерив кузена критическим взглядом.

– Интересно, старина, сколько пришлось заплатить братишке за сговорчивость?

В шутливых словах слышалась язвительная ирония, а улыбка обдавала холодом.

Тем временем небо угрожающе потемнело. Селина в страхе закуталась в плащ и даже

накинула капюшон. Фелиция склонилась, тронула ее за колено и посмотрела с особым участием и пониманием. В ответ Селина молча покачала головой.

– Замерзли? – учтиво осведомился Тревор.

– Все в порядке, благодарю. – Оставалось надеяться, что дорога окажется недолгой. Воздух опасно сгустился, а в какой-то момент даже послышался отдаленный громовой раскат.

Ехали молча. При каждом толчке мускулистое бедро Тревора прижималось, обжигая даже сквозь слои одежды и заставляя неудержимо краснеть Селину. Сегодня Тревор мог соперничать с самим Сатаной – весь в черном, если не считать белой рубашки и белого шелкового галстука. Темные волосы и глаза придавали красивому лицу почти зловещий ореол. А главное, сегодня еще острее, чем обычно, ощущалась сила его натуры и определенность намерений.

Селина подумала о чувственных губах.

Сердце забилося быстрее.

И снова мысли утратили ясность, а в сознании воцарился хаос.

Наконец приехали, и спустя мгновение Селина уже стояла в ярко освещенном зале между Кэмероном и Тревором. Все остальные собрались чуть поодаль, ожидая торжественного приглашения.

Едва Тревор снял со спутницы плащ и отдал лакею, взгляды присутствующих сосредоточились на госте. Гул голосов усилился. Селина замерла в величавой неподвижности, слушая, как распорядитель звучно объявляет о ее прибытии. Так учила бабушка. Хорошо, что никто не догадывается, как у нее дрожат колени и немеют от страха руки.

– Держитесь, – процедил сквозь зубы Кэмерон. – Вдова Бодерье движется прямо к нам, заранее выпустив когти.

Жизель Бодерье подошла и улыбнулась, продемонстрировав ровные белые зубы.

– Кэмерон, Тревор, как приятно вас видеть. А вы, должно быть, и есть та самая миссис Керкленд. Много о вас слышала, дорогая. Вдовы должны держаться вместе, не так ли?

Снисходительный тон не смог скрыть ревности и враждебного отношения. Холодные голубые глаза пронзили как два копья.

Особа оказалась более миловидной, чем хотелось бы: прекрасная, с кремовым оттенком кожа, светлые волосы. Черное, с глубоким декольте платье смело подчеркивало достоинства фигуры и откровенно выставляло напоказ большой бюст.

Краем глаза Селина заметила, что прелести Жизель не остались без благосклонного внимания со стороны Тревора. О, эта ленивая оценивающая улыбка говорит о многом! Селина заставила себя сохранить спокойствие и даже слегка улыбнуться. Да, Мари, как всегда, высказалась точно: вдова действительно выглядела так, как будто ждала, «когда что-нибудь воткнется между ног».

Пристальный взгляд новой гостьи поверг мадам Бодерье в замешательство. Она слегка нахмурилась и даже на шаг отступила, а в следующее мгновение глаза вспыхнули яростью, а щеки покрылись красными пятнами.

Тревор тут же встал между женщинами, прикрыв Селину от неминуемого нападения. Жизель взяла его под руку и заносчиво вскинула голову.

– Будьте добры, дорогой, отведите меня в буфет.

Весь вечер она бесстыдно держала джентльмена в плену, в то время как

многочисленные соискатели наперебой приглашали Селину танцевать. Кэмерону и Линдзи пришлось занимать очередь в цепочке претендентов и терпеливо дожидаться своей доли внимания.

Мишель и Фелиция вращались в кругу собственных друзей и почти не обращали внимания на родственников. Селина прекрасно проводила время, хотя раздражалась всякий раз, когда Тревор танцевал с Жизель. Казалось, он абсолютно не замечал ее присутствия.

Но какое ей дело? Эти двое стоят друг друга. Бык и корова в пору спаривания. И все же чем дальше продвигался вечер, тем тяжелее становилось на душе.

Джастин, не спускавший со своей подопечной внимательного взгляда, должно быть, заметил усталость. На правах опекуна без лишних церемоний отправил восвояси очередного кавалера и повел Селину на террасу – прогуляться и подышать свежим воздухом.

– Спасибо моему рыцарю в сияющих доспехах, – поблагодарила она и тут же испуганно замерла: тяжелая черная туча несла неминуемую грозу.

Джастин тоже заметил опасность.

– Подождите здесь, а я быстро соберу остальных. Скоро полночь; не хватало еще угодить в ливень.

Он знал, что Селина по-прежнему боится бури; сама же она, не желая стать причиной раннего отъезда, с благодарностью приняла мудрое решение мистера Андруза. Она посмотрела на небо в надежде найти луну, но не увидела ничего, кроме низко нависших облаков. Стараясь подавить страх и побороть внезапно нахлынувшее одиночество, зябко обхватила плечи руками.

И вдруг на талию бережно легла теплая ладонь. Селина вздрогнула. Горячее дыхание обожгло шею. Как он смеет? Как может вновь расточать свои чары, проведя весь вечер с этой... с этой глупой коровой? Она сбросила руку и ледяным тоном приказала:

– Не прикасайтесь ко мне.

– Но ведь на самом деле вы так не думаете, правда?

– Еще как думаю! – Она шагнула в сторону.

– Говорите так, словно проглотили кусок льда. – Тревор схватил ее за плечи и повернул лицом к себе. – Посмотрите на меня, малышка.

– Подозреваю, вы слишком много выпили. – Селина попыталась освободиться, оттолкнуть, однако Тревор стоял неподвижно, как скала. – К тому же, никто не разрешал вам использовать столь интимное обращение.

Его горячие губы накрыли ее рот и заставили замолчать. От крепкого запаха бренди закружилась голова. Селина сдавленно вскрикнула и попыталась освободиться, однако чем отчаяннее сопротивлялась, тем крепче он держал. Еще немного, и задушит! Она сдалась. Горячий язык раздвинул губы и дерзко проник в дрожащий рот. Каждое прикосновение отзывалось трепетом. Первобытное вожделение – безжалостное и непреодолимое – пронзило насквозь.

О господи, что же он творит? И откуда этот немыслимый, непостижимый ответ? Рука скользнула ей на поясницу, притянула и откровенно прижала к недвусмысленно жесткому бугру – точно так же, как тогда, в кухне. Он на миг отстранился и требовательно взглянул в лицо.

– Оставьте, Тревор. Вы мне не нужны.

– Я нужен вам, точно так же как вы нужны мне, – проговорил он, стараясь выровнять судорожное дыхание.

– Полагаете, каждая женщина готова уступить вашей настойчивости? Я не готова.

На губах у него промелькнула улыбка.

– Готовы, и отлично это понимаете. Так почему бы не признать очевидное? Жизнь слишком коротка, чтобы изображать девственницу, которой, как мы оба знаем, вы не являетесь.

Селина вспыхнула и резко ответила:

– Если ищете низменных утех, то весь вечер у вас была прекрасная партнерша. Отправляйтесь к ней и продолжайте свои грязные игры!

Тревор резко развернулся, чтобы уйти, но на миг остановился.

– Дурочка. Весь вечер я только тем и занимался, что мешал ревливой миссис Бодерье вонзить в вас острые когти.

Спустя несколько минут подошел Джастин, и вскоре все семейство отправилось домой под угрожающе сгустившимися тучами. Селина попыталась сесть рядом с Линдзи, однако на этот раз вмешался мистер Андруз. Посмотрел на небо и не терпящим возражения тоном заявил:

– Селина, вы поедете со мной. Тревор и Фелиция, садитесь вместе с нами. Все остальные – быстро в другой экипаж!

Тревор с недоумением наблюдал за встревоженным отцом.

Вдалеке раздался раскат грома, и по крыше застучали тяжелые капли. Внезапно поднявшийся ветер завыл, как голодный волк.

Селина окаменела. Джастин крепко обнял ее за плечи.

– Не волнуйтесь, все в порядке.

Какого черта?

Ослепительно вспыхнула молния, и тут же прямо над головой ударил гром.

Селина заплакала. Джастин прижал ее к груди.

Молния снова прорезала небо; лошади испуганно заржали и остановились, отказываясь продолжать путь. Экипаж накренился. Селина в ужасе закричала.

Тревор озадаченно склонился, чтобы спросить, что происходит, однако отец его не замечал, пытаясь успокоить спутницу.

– Не бойтесь, – ласково уговаривал Джастин. – Ничего страшного. – Он укачивал ее как маленькую девочку, а гроза тем временем продолжала бушевать. Постепенно крики стихли и превратились в жалобные стоны.

Буря не сдавалась, а, казалось, лишь набирала силу. С каждой вспышкой, с каждым ударом Селина теряла силы. Тревор уже понял, что происходит что-то неладное.

Возле дома он опередил отца, подхватил Селину на руки и бегом понес к двери, которую заботливо распахнула Мари.

– Я уже жду. Быстрее в комнату!

В три прыжка Тревор поднялся по лестнице. Положил Селину на кровать, снял мокрый плащ.

Мари грубо оттолкнула его.

– Прочь отсюда! – скомандовала она и захлопнула дверь.

– Что, черт возьми, все это значит? – озадаченно спросил Тревор подошедшего отца.

Джастин дождался, пока все разойдутся по комнатам, и только тогда посмотрел на сына. Неторопливо, не упуская ужасных подробностей, рассказал о том, как конюх нашел Селину в страшную грозу; о том, что, если бы не старик Джим, ее не было бы в живых.

– Все ее кровные родственники давно умерли, а после этой трагедии бедняжка осталась одна на всем белом свете. Поэтому я взял ее к себе.

От потрясения Тревор онемел.

– Свекра мы так и не нашли, но Джим все равно выкопал для него могилу рядом с могилой мужа Селины и насыпал холм, чтобы она думала, что он там похоронен.

Джастин помолчал, словно собираясь с духом, а потом тяжело вздохнул и совсем тихо произнес:

– И ребенка тоже похоронил.

– Ребенка? – Тревор вздрогнул.

Джастин коротко кивнул.

– Трудно представить что-нибудь страшнее. Младенец должен был появиться на свет не раньше чем через три месяца, однако родился под повозкой, в ледяной воде. Джим перерезал пуповину, завернул тельце в одеяло и похоронил рядом с отцом. Доктор сказал, что мать пострадала настолько серьезно, что больше у нее детей не будет.

Ослабевшей, дрожащей рукой Тревор провел по волосам, пытаясь убрать со лба непослушные мокрые пряди.

– Боже мой, я понятия не имел, что все настолько ужасно! Ты сказал, что она вдова, вот я и подумал...

– Что подумал, сын? Что она такая же, как твоя мадам Бодерье или другие сомнительные женщины, с которыми ты водишь дружбу? Решил, что, подобно им, Селина вышла замуж за богатого старика и благополучно помогла ему сойти в могилу, чтобы потом веселиться с такими, как ты? Признайся, ведь так? Нет, Селина устроена значительно тоньше и сложнее, а потому даже не пытайся испытывать на ней свои чары.

Отец выпрямился, шумно перевел дух и смерил сына взглядом, способным заморозить. Тревор молча проглотил резкий ответ. После смерти матери, когда он осмелился обвинить отца в том, что тот недостаточно быстро вызвал доктора, Джастин ни разу не разговаривал со столь откровенной враждебностью. Но ведь тогда ему было всего пятнадцать лет! Когда же, наконец, прошлое оставит его в покое? Тревор долго стоял, опустив голову, не зная, что делать с нахлынувшим раскаянием. Одно было ясно: надо немедленно идти к Селине.

Мари открыла дверь. Тревор переступил порог первым, а отец следом за ним. Одного взгляда хватило, чтобы сердце сжалось от жалости и тревоги.

Селина лежала бледная как полотно, с закрытыми глазами.

– Я дала изрядную дозу настойки опия, и бедняжка быстро уснула. Вот только буря, кажется, затянется до утра. Нельзя оставлять ее одну, так что я переночую здесь. Трудно угадать, когда действие снотворного иссякнет.

Горничная взглянула на больную и покачала головой.

– Несчастная. Подумать только, что ей пришлось пережить.

Тревор почувствовал, что не должен уходить.

– Ложись у себя, Мари, и не беспокойся. Я о ней позабочусь.

От изумления та на миг онемела, посмотрев сначала на Тревора, потом на Джастина и нахмурилась.

Тревор предостерегающе поднял руку.

– Боже мой, женщина! За кого ты меня принимаешь?

Его гнев испугал даже бесстрашную Мари.

– Тревор прав, – устало вздохнув, вступил в разговор мистер Андруз. – С его физической

силой легче будет справиться, если вдруг снова начнется истерика. Помнишь, как однажды мы еле-еле совладали вдвоем? Если вдруг понадобится помощь, он тут же подоспеет, тем более что его комната расположена совсем близко. К тому же в доме полно гостей и завтра с раннего утра тебя ждет работа. А Тревор может спать хоть весь день.

Мари неодобрительно покачала головой, однако плотно закрыла окно и принялась старательно задерживать шторы.

– Лучше, чтобы молния светила как можно меньше. И не забудьте запереть дверь, чтобы не скрипела и не стучала от ветра. Все эти звуки ее очень пугают. – Она кивнула на кресло у камина. – Обычно придвигаю его к кровати и, когда требуется, беру ее за руку.

Мари пристально посмотрела на мужчин.

– Ах господи! Вы же совсем мокрые! Скорее переоденьтесь, а не то простудитесь насмерть! Сейчас принесу вам халат, мисчи Тревор. – Качая головой и что-то тихо бормоча, она вышла из комнаты.

– Слишком много говорит, особенно когда нервничает. Правда, пап?

Джастин слабо улыбнулся, понимая, что сын старается навести хотя бы хлипкую переправу через разделяющую их пропасть. Ничего не ответив, задумчиво посмотрел и коротко пожелал спокойной ночи.

А Тревор с надеждой подумал, что холод, возникший в отношениях после смерти матери, не вечен.

К тому времени как Мари вернулась с полотенцем и халатом в руках, Тревор уже развел в камине огонь, а теперь стоял по пояс голый и грел руки. Горничная бросила вещи на стул и поспешила к кровати, как будто хотела защитить госпожу от непристойного зрелища.

– Не переживай, она спит, – раздраженным шепотом произнес Тревор, схватил полотенце и принялся энергично вытирать волосы и руки. – Отвернись, пока переоденусь, или выйди.

Мари обиженно встала к нему спиной.

– Я, можно сказать, вас вырастила и успела насмотреться.

Тревор едва заметно улыбнулся, снял насквозь промокшие брюки и накинул халат.

– А я так ни разу и не поблагодарил тебя за бессонные ночи. Ты всегда меня ждала и придумывала самые невероятные оправдания поздним возвращениям.

Мари не потрудилась ответить, и господин распорядился:

– Можешь идти. Заодно заberi мокрые вещи.

Она подошла к куче одежды, собрала, завернула в полотенце и молча направилась к двери.

– И все-таки почему?

Горничная остановилась и обернулась.

– Что «почему»?

– Почему ты меня защищала? Я же был совсем ненормальный: злой, вечно пьяный мальчишка.

Мари неожиданно улыбнулась и кивнула.

– Добавьте к этому еще и зов плоти.

– Несколько раз ты буквально спасала мою шкуру, а я до сих пор ни разу не поблагодарил.

– Спасала вашу шкуру, рискуя собственной задницей? Можете поверить, что все это я делала не ради вас, а ради вашего отца.

– Ради отца?

– Помните ту ночь, когда муж Терезы Дюбуа едва не поджег факелом дом, разыскивая вас? Всегда боялась, что однажды мистер Андруз проснется от целой факельной процессии, поэтому при каждом появлении шерифа изворачивалась, как могла.

Через плечо Тревора мудрая женщина взглянула на спящую Селину.

– Мы живем здесь тихо и спокойно. Почему бы вам не вернуться в Новый Орлеан, к своим делам? У моей госпожи от вас одни неприятности.

– Не исключено, что я изменился, – возразил Тревор.

– С трудом верится.

Он посмотрел на кровать. Стремление защитить, окружить заботой становилось сильнее с каждой секундой. Да и бесконечные кутежи уже успели изрядно надоесть.

– Что, если исправлю в себе все, что необходимо?

Мари уже собралась выйти, но помедлила.

– А что, если не сможете?

Как только дверь закрылась, Тревор переставил кресло к кровати и удобно устроился. Посмотрел на спящую Селину и спросил себя, что в ней так возбуждает. Желание просыпалось от одного лишь близкого присутствия. Он поднял ее безвольную руку и прикоснулся губами. Ощутил запах кожи и поспешно поправил одеяло.

Откинулся на спинку кресла. Вожделение казалось непреодолимым. Как и почему она покорила его настолько быстро? Что рождало неутолимую, почти болезненную, страсть? Возможно, причина всего лишь в растущем беспокойстве, охватившем его в последнее время. Порой он и самого себя не понимал.

От порыва ветра стукнула ставня, и Селина тихо застонала.

– Все хорошо, – вполголоса успокоил Тревор. – Я здесь. Хотелось верить, что буря действительно закончилась, а не обманчиво стихла, чтобы ударить с новой силой, как это иногда случалось.

Тревору вспомнилось, как в детстве он сломал ногу. Тогда, чтобы облегчить боль, доктор прописал ему настойку опия. Испуганный и растерянный, он хотел одного: чтобы кто-нибудь обнял, пожалел, разделил с ним боль и успокоил. Затуманенный мозг продолжал действовать, глаза по-прежнему исправно служили, но распухший язык отказывался слушаться, поэтому он лежал в безмолвном ужасе, беспомощно глядя на мать и невыносимо страдая. Что, если Селина тоже испытывает нечто подобное?

Его беспокойство переросло в тревогу. Присев на краешек кровати, он принялся гладить по ее голове, без конца нашептывая нежные слова.

В щелях ставен вспыхнула молния, а следом раздался мощный громовой удар. Все-таки стихия не сжалилась, а продолжала бушевать. Худшее еще предстояло пережить.

Ставня оторвалась и, подобно молоту, застучала по стене. Снова сверкнула молния и раздались раскаты грома. Селина открыла полные ужаса невидящие глаза.

– Тише, тише. Все хорошо. Мы дома. – Тревор склонился и снова сжал ее руку.

Селина задрожала так, что застучали зубы.

– Не бойся. – Он натянул одеяло до подбородка и погладил по лбу, пытаясь прогнать страх.

С губ снова сорвался стон.

– Селина, послушай меня. Ты в безопасности. Ничего страшного нет.

Однако паника передалась и ему. Может быть, не стоило брать на себя обязанности

сиделки? Мари наверняка справилась бы лучше. По крайней мере она знает, что делать в подобных случаях.

Селина сжалась, словно младенец, громко застонала и заметалась. От сознания собственной беспомощности Тревор приподнял одеяло и, не переставая уговаривать, прилег рядом. Медленно, с усилием распрямил дрожавшую в забытьи Селину, повернул на бок, положил голову себе на грудь и крепко обнял. Дрожь не проходила. Зубы стучали, как будто от холода, но кожа обдавала жаром.

– Не бойся, малышка. Я не дам тебя в обиду. – Он снова погладил ее по волосам и нежно поцеловал в закрытые глаза. – Любовь моя, все будет хорошо.

Селина прижалась к нему с неожиданной силой и потянула на себя, как будто хотела, чтобы ее лег сверху, однако он удержал ее рядом, унимая дрожь силой и теплом своего тела.

Тревор? Это Тревор? Нет, должно быть, мерещится в забытьи. Стало лучше, уютнее, спокойнее. Теплый ветер согревал лоб, веки, шептал ее имя.

– Любовь моя, все будет хорошо.

Густой туман медленно спустился, окутал тело и душу. Теплые, мягкие, похожие на хлопок облака согрели и успокоили. Теперь уже казалось, что гроза не так ужасна, как прежде, потому что Тревор рядом – обнимает, защищает, жалеет. Страх постепенно прошел, хотя буря сдаваться не собиралась.

Селина уступила ласковой силе, позволила теплу окружить ее со всех сторон, с благодарностью приняла нежность, закуталась в заботу, утонула в ласке. Она слышала, что стонет, пытаясь привлечь еще больше тепла, заставить его проникнуть в сокровенную глубину, стать частью ее существа. Ветер продолжал нашептывать имя. Селина медленно запрокинула голову. Молния ударила в губы. Ласковая, прохладная, сладкая, наполнила бархатистым светом. Как хорошо, уютно, спокойно! Гром ревел в ночи, как рассвирепевший зверь. Буря – голодный волк – завывала и царапала когтями ставни. Селина заплакала, и Тревор обнял еще крепче. Это сон? Или Тревор действительно что-то шепчет и с силой прижимает ее к груди, чтобы защитить? Ветер завыл громче и принялся биться в стены. Шепот успокаивал, объятие согревало. Да, это всего лишь сон, мечта. Но пусть чудесное видение продолжается, пусть подарит покой и тепло. Селина прильнула к нему, и дрожь отступила. Кажется, он только что сказал, что страстно ее желает? Что мечтает сделать ее своей, но только не сейчас, не этой ночью? В глубине замутненного сознания снова родилось сомнение: а вдруг это только видение? Какая разница? Она явственно ощутила мужественную плоть и раздвинула ноги, приглашая переступить черту.

– Нет, Селина. Нет.

Это снова ветер?

Нет, не может быть. Тревор прошептал ее имя и нашел губами ее губы. Поцеловал нежно, бережно. А потом обнял, как маленькую, и начал укачивать. Вот так, в тепле сильных рук, страхи бесследно рассеялись, и мир скользнул в небытие.

– Миссис Керкленд, откройте!

Селина села в постели и посмотрела в темноту. Еще не успев окончательно проснуться, медленно, вяло подошла к двери и повернула в замке ключ. В сознании промелькнули смутные воспоминания.

– Ну и ну! – Мари покачала головой, поставила поднос с кофе и тостами и распахнула шторы, впустив в комнату поток золотистого света.

– Пожалуй, позавтракаю в галерее. – Селина нашла пеньюар, но передумала и позволила Мари надеть на нее простое зеленое платье. – Волосы пока оставь как есть.

Селина подошла к умывальнику, плеснула в лицо холодной водой, взяла расческу и попыталась привести в порядок спутанные пряди.

– Нет, все-таки немного прибери.

Ответа не последовало.

– Мари? – Странно, но в комнате никого не было. – Мари, куда ты делась?

Впрочем, одной даже лучше. Селина посмотрела в зеркало и вспомнила поразительно живой, физически ощутимый сон.

Возможно ли, чтобы Тревор на самом деле провел с ней ночь?

Разумеется, нет.

В воздухе витал аромат крепкого черного креольского кофе. Вот что поможет прийти в себя! По пути к окну Селина заметила на прикроватном столике пузырек с настойкой опия, а потом обратила внимание на голубую атласную простыню с четким отпечатком двух тел.

Смятение налетело подобно горячему ветру.

Она провела ладонями по плечам, груди, животу, пытаясь понять, что произошло в часы забытья. Сознание медленно, но верно прояснялось. Появились первые робкие воспоминания: о заботливом, согревающем тепле; о нежном шепоте; о ласковом объятии и утешительных поцелуях. И больше ничего не случилось. Селина вздохнула с искренним облегчением.

В животе урчало от голода. Она собралась выйти в галерею, но помедлила и повернулась, чтобы посмотреть на дверь. В замке торчал ключ. Она перевела взгляд на окно и недоуменно вскинула брови.

Разве она не отперла дверь, отвечая на стук Мари? Разве не видела собственными глазами, как горничная открыла стеклянные створки, чтобы вынести поднос в галерею? Если так, то возникал вопрос: каким образом Тревор покинул спальню? С помощью собственных ключей? Пожав плечами, Селина решила, что так и случилось: в конце концов, это его комната, – и с этой мыслью вышла в галерею.

Тревор сидел за столом и беззаботно, с видимым удовольствием пил кофе – бледно-желтая батистовая рубашка гармонировала с красно-коричневой курткой для верховой езды, бежевыми замшевыми бриджами и черными сапогами.

– Доброе утро, – поздоровалась Селина, стараясь, чтобы голос звучал беззаботно, и присела напротив.

Он легко улыбнулся, и все же в лице ощущалась серьезность, которой прежде не было. Что, если притвориться, что прошедшая ночь утонула в беспамятстве и не оставила следов в сознании? В конце концов, настойка опия многое оправдывает.

– Мари сказала, что ночью вы за мной присматривали, – солгала она. – Спасибо, это очень мило.

Тревор лукаво прищурился, а потом вдруг с интересом посмотрел в чашку.

– А, понятно. Наверное, удобнее принять эту версию.

Щеки предательски запылали. Он разгадал ложь. Селина принялась суетливо возиться с салфеткой. Наконец развернула и положила на колени.

– Я... ах, мне приснилось, что ночью вы меня утешали. Я... – Слова застряли в горле.

Он молча прикрыл ее ладонь своей – теплой и сильной. И знакомой. Несколько раз подряд медленно провел пальцем возле запястья – неожиданная ласка принесла успокоение.

И вдруг Селина вспомнила. Все и сразу. Как находилась в крепких объятиях, как смело запустила руку под халат и погладила упругие завитки на груди, а потом уснула под тихое бормотание.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Примечания

Извините. Не надо этого делать (*фр.*).

Люблю тебя! (*фр.*).

Брат ($\phi p.$).

Боже мой! (*фр.*).

Вот единственно достойный способ принять ишу богов (*φρ.*).

Спи спокойно, моя любовь (*фр.*).